

ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ХРОНИКА ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР

КАЖДЫЙ человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

К *Всеобщая декларация прав человека, статья 19.*

11

ВЫПУСК 8

Март-Апрель 1974

ГОД ИЗДАНИЯ — ВТОРОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХРОНИКА»
НЬЮ-ЙОРК

«Хроника защиты прав в СССР» составляется редакцией
издательства «Хроника пресс».

Главный редактор издательства: Валерий Чалидзе.

Редакционная коллегия: Питер Реддавей,
Эдвард Клайн
Павел Литвинов

A CHRONICLE OF HUMAN RIGHTS IN THE USSR
is compiled by the editors of the KHRONIKA PRESS.

Editor-in-Chief, Khronika Press: VALERY CHALIDZE

Editorial Board: PETER REDDAWAY, London
EDWARD KLINE, New York
PAVEL LITVINOV, New York

Copyright © 1974 by KHRONIKA PRESS

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., New York, N.Y. 10018

Printed by: WALDON PRESS, 216 W. 18th St., New York, N.Y. 10011

СОДЕРЖАНИЕ

Павел Литвинов покинул СССР	5
Осужден Хаустов	8
Дело Суперфина	10
Голодовка Буковского	14
Валентин Мороз объявит голодовку	16
В защиту Плюща	18
Преследования интеллигентов в Ленинграде	21
Обыск у писателя Некрасова	22
Заявление Марченко	23
В СССР составляют списки верующих	26
В защиту баптистов	28
Принудительный сельскохозяйственный труд в СССР	32
Краткие сообщения	33
Документы:	
Осуждение за скармливание хлеба скоту	42
Дело Фельдмана	43
Personalia : Владимир Буковский	51
Библиография	57
Исправления и дополнения	61
Перечень имен	61

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Журнал «Хроника защиты прав в СССР» информирует читателя о событиях, связанных с советскими и западными выступлениями в защиту прав человека и социальных меньшинств в СССР и о том, как власти в СССР защищают и нарушают права человека и меньшинств, при этом основное внимание будет уделяться наиболее типичным нарушениям прав.

«Хроника защиты прав в СССР» не занимает политически мотивированной позиции и не содержит редакционных оценок по поводу описываемых событий. При отборе информации основное внимание уделяется степени её достоверности, что, по мнению издательства, более важно, чем оперативность и полнота публикаций.

Ограниченность объема журнала не позволяет издательству более полно информировать читателей о многочисленных западных выступлениях в защиту прав человека в СССР и о движении советских евреев за выезд в Израиль.

Издательство не принимает пожертвований от государственных и политических организаций.

ПАВЕЛ ЛИТВИНОВ ПОКИНУЛ СССР

18 марта покинул СССР Павел Литвинов с семьей. Литвинов известен как один из активных участников движения за права человека в СССР. В 1968 году он был осужден к пяти годам ссылки за участие в демонстрации протеста против интервенции в Чехословакию.

22 марта в Риме Литвинов опубликовал следующее заявление:

Прежде всего я хочу поблагодарить за большое внимание, оказанное мне как представителю тех, кто остается в Советском Союзе и не может свободно, как это сегодня могу я, рассказать о наших проблемах и страданиях свободной прессе.

Все на нашей Родине, мои друзья и неизвестные мне люди, всегда расплачиваются за свою внутреннюю свободу и стремление к ее реализации преследованием мощного государственного аппарата. На Западе эта свобода, выстраданная нами, незаметна, как воздух, которым мы дышим. Поэтому многие наши проблемы далеко не всегда вам понятны. Я не могу и не стану говорить тут о политических взглядах, своих и моих друзей. Нас объединяет не это, а стремление к осуществлению элементарных свобод личности, гарантии прав личности на возможность независимого мнения, на гласность.

У нас могут быть различные религиозные и социальные убеждения, но общее для нас — идеалы добра, справедливости, права, сострадания. За по-своему сказанное слово у нас расплачиваются тюрьмой, концлагерем, психиатрической лечебницей, другими преследованиями: потерей работы, риском быть сосланным. Наконец, ныне советские власти нашли более «гуманный» способ избавляться от свободных, независимо мыслящих людей, высылая их за пределы страны, не только насильственно, как Александра Солженицына, но вынуждая их покинуть свою страну, как это, например, произошло со мной.

Для меня всегда было главным сочувствие слабому против сильного, одинокой личности — против могущественного государственного аппарата, поддержка маленькой беззащитной страны — против гигантского, вооруженного современным оружием соседа. Поэтому я протестовал против неправых судов, составил два сборника документов («Процесс четырех» и «Демонстрация на Пушкинской площади»), посвященных нарушениям закона и

прав личности — Буковского, Хаустова, Габая, Делоне, Кушева в 1967 году, и Галанскова, Гинзбурга, Лашковой, Добровольского в 1968 году. Эти сборники были впоследствии изданы на Западе. По тем же мотивам я со своими друзьями вышел на демонстрацию 25 августа 1968 года на Красную площадь с протестом против оккупации Чехословакии советскими войсками. За протесты против неправых судов я потерял работу и всякую возможность работы по специальности, за демонстрацию на Красной площади я поплатился свободой — 4 месяца я провел в тюрьме и на 4 года был сослан в Сибирь, где работал электрослесарем на руднике. Моя известность на Западе спасла меня от более тяжелой кары.

Сегодня я могу говорить, что думаю, не рискуя за это попасть в тюрьму, концлагерь или психиатрическую лечебницу, как это происходит со многими людьми на моей Родине. Вы тоже за то, что вы пишете и публикуете, не рискуете своей физической свободой.

Мне бы хотелось еще, чтобы вы поняли, что мы существовали и существуем благодаря тому, что на свете есть Запад и западная пресса, поэтому пишите больше о нас, думайте о нас. Помните, что мы страдаем за наши общие с вами идеалы свободы и права и в нашем лице страдает Европа, европейское начало в Советской России.

Я прошу Вас поместить информацию о некоторых из тех, кто сегодня в Советском Союзе рискует своей физической свободой, жизнью и здоровьем.

Владимир БУКОВСКИЙ: мужественный человек, рассказавший миру правду о применении психиатрии в Советском Союзе для подавления мысли и слова, уже проведенный 8 лет в тюрьмах, лагерях и психиатрических лечебницах, и которому предстоит еще 4 года концлагерей и 5 лет ссылки, сейчас помещен во внутрилагерную тюрьму (ПКТ — помещение камерного типа), где сырость, и холод, и еще понижен и без того тощий паек советского политзаключенного. Этот паек много ниже норм, рассматриваемых ООН как голодные. Буковский болен ревматизмом и ревмокардитом, и у него болезнь печени. Совершенно очевидно, что сделана ставка на его физическое уничтожение, как был уничтожен в мордовском лагере в 1972 году поэт Юрий Галансков.

Все, что делается в лагерях и тюрьмах, Советские власти окружают глубокой тайной и стремятся к тому, чтобы правда о положении в них не вышла наружу. Поэтому Буковского лишили свидания с матерью, Ниной Ивановной, а его адвокату Владимиру Швейскому Московская Коллегия адвокатов не разрешила поехать к нему в лагерь для оказания ему юридической помощи.*

Лейденский университет в Голландии пригласил его приехать для завершения образования, дав обязательство оплатить все затраты.

* От издат.: в начале апреля Швейский посетил Буковского в лагере.

Виктор ХАУСТОВ приговорен к 4 годам лагеря и 2-м годам ссылки Городским судом в Орле в основном за то, что он передал на Запад дневники политзаключенного Эдуарда Кузнецова, осужденного на 15 лет на так называемом самолетном процессе, человеческий документ поразительной искренности и глубины. На суд Виктора Хаустова доставили из тюрьмы Габриэля СУПЕРФИНА, талантливого литературоведа, помогавшего Солженицыну в его работе над «Архипелагом ГУЛаг». Суперфин уже 8 месяцев находится в Орле под следствием. Будучи физически очень слабым и больным человеком, находясь под сильным давлением, он дал во время следствия некоторые показания, от которых вскоре отказался и подтвердил свой отказ на суде, заявив одновременно протест против высылки Солженицына. Его следствие заканчивается на днях, и ему грозит особенно суровое наказание за то, что он на суде Хаустова рассказал, каким путем от него добивались нужных КГБ показаний.

Леонид ПЛЮЩ — киевский математик, член Инициативной группы по защите прав человека, помещен в Днепропетровскую тюремную психиатрическую больницу, где его заставляют принимать опасные для здоровья препараты, например, галоперидол, принуждая его отказаться от своих убеждений. Его уже довели до такого состояния, что он не может ни читать, ни писать, его тело распухло, вероятно, от нарушения обмена веществ, вызванного лекарствами. Не оставляют в покое и жену Леонида Плюща, Татьяну Житникову, за то, что она постоянно предаёт гласности данные о состоянии своего мужа и обращается ко всему миру с просьбой о его спасении. Ей устраивают провокации и грозят отнять у нее детей.

Виталий РУБИН, специалист по философии и культуре Древнего Китая, участник войны против нацизма, бывший в плену у немцев, а затем в лагере в СССР, где ему пришлось работать на шахте, после чего он заболел костным туберкулезом, два года не может получить разрешение уехать со своей женой в Израиль. Недавно он вместе с химиком Давидом АЗБЕЛЕМ и художником Владимиром ГАЛАЦКИМ проводил в Москве голодовку протеста.

Я хочу особо обратить внимание итальянских журналистов на судьбу Юрия МАЛЬЦЕВА,* специалиста по итальянскому театру и кино, человека, обожающего Италию и никогда ее не видевшего. Он уже десять лет добивается права покинуть СССР. В 1968 году он первый в Советском Союзе заявил на весь мир о невозможности эмигрировать из СССР и о своем желании это сделать. Он писал, обращаясь к Генеральному секретарю ООН У Тану, что «не желает жить в стране, где людей держат, как скот на привязи». После этого он неоднократно участвовал в протестах против нарушений прав человека в СССР, за что был помещен

* От издат.: в апреле Ю. Мальцев получил разрешение покинуть СССР.

в психиатрическую лечебницу. Девять месяцев назад он вновь обратился к советским властям с просьбой дать ему разрешение на выезд, но до сих пор не получил ответа. Юрий Мальцев, автор многих работ об итальянском кино и театре, в частности о «Ла Скала» и театре Пикколо, сейчас без работы и живет впроголодь.

В страшной Владимирской тюрьме сейчас находится Валентин МОРОЗ, украинский писатель и историк. Он содержался вместе с уголовниками, которые его зверски избили, после чего его перевели в одиночную камеру. Его нервная система сейчас в таком состоянии, что он не может находиться один в четырех стенах. Он и его жена безуспешно добиваются сейчас его перевода из тюрьмы в лагерь. Мороз заявил, что если до июля 1974 года его не переведут в лагерь, он в июле объявит смертную голодовку. Зная характер Мороза, я не сомневаюсь, что он выполнит это свое намерение.

Валентин Мороз провел ранее 4 года в лагере в Мордовии, где написал убийственный по своей разоблачительной силе памфлет «Репортаж из заповедника им. Берия». После публикации этого памфлета на Западе он получил 14 лет тюрьмы, лагеря и ссылки.

Генерал-майор Петр ГРИГОРЕНКО, ветеран войны против нацизма, пятый год уже содержится в заключении в психбольницах. Его все время обещают выпустить, подвергая пытке надеждой на освобождение. Его здоровье подорвано, и власти, возможно, надеются на его гибель.

Я не касаюсь здесь еще многих людей и проблем, о них я буду еще писать и говорить.

Я обращаюсь ко всем людям доброй воли: помогите им — это живые люди, одни из лучших в России. Пока они есть — в тюрьме ли, в России на свободе или на Западе — возможен настоящий мир, настоящая разрядка, настоящий диалог между Западом и Востоком. Еще раз хочу сказать: понятия о добре и зле, справедливости и несправедливости у нас одинаковы, значит, мы можем понять друг друга и быть едины.

ОСУЖДЕН ХАУСТОВ

С 4 по 6 марта в г. Орле проходил судебный процесс по обвинению в антисоветской агитации Хаустова Виктора Александровича, арестованного 17 января 1973 г. в Москве. Хаустову инкриминировались эпизоды, связанные с распространением произведений Самиздата, и содействие пересылке за границу дневников политзаключенного Эдуарда Куз-

нецова («Дневники» изданы издательством Les Éditeurs Réunis, 1973).

Верховный суд в кассационном рассмотрении оставил приговор в силе.

Орловский областной суд приговорил Хаустова к 4 годам лишения свободы с последующим отбыванием ссылки в течение 2 лет. Сообщают, что в приговоре по этому делу содержится также утверждение о том, что Елена Боннэр причастна к передаче дневников Кузнецова (о допросах Боннэр по этому делу см. «Хроника защиты» 5-6).

Ранее Хаустов был арестован в связи с участием в демонстрации на площади Пушкина в Москве 22 января 1967 года и был приговорен к 3 годам лишения свободы по ст. 190³ УК РСФСР. Отчет о его процессе 1967 г. известен в редакции П. Литвинова («Демонстрация на Пушкинской площади», изд. Гарвил, Лондон, 1969 г.).

Московские интеллигенты выступили в защиту Хаустова:

**В Международный Комитет защиты прав Человека
В международную Лигу защиты прав Человека
В Международную Амнистию
К рабочим и профсоюзным организациям всего мира**

Суд в Орле приговорил Виктора ХАУСТОВА к 4 годам заключения и 2 годам ссылки, обвинив его в антисоветской агитации и пропаганде.

Ранее Хаустов отбыл 3 года заключения в лагере за участие в мирной демонстрации в защиту Гинзбурга и Галанскова. Уже в эту его первую судимость по нормам любой демократической страны он пострадал невинно. После освобождения Хаустов работал рабочим на Московском телевизионном заводе. В последнее время он намеревался уехать из страны.

Обвинения против Хаустова состояли, в частности, в том, что он по просьбе друзей привез в Орел некоторые документы Самиздата и участвовал в передаче за рубеж тюремного дневника Э. Кузнецова.

Именно эти действия, которые являются вполне нормальным осуществлением информационного обмена, послужили основанием для обвинения в антисоветской деятельности и сурового приговора. Дело Хаустова — ещё одно звено в длинной цепи преследований за убеждения.

Мы обращаемся к Вам и в Вашем лице к мировой общественности с призывом выступить в защиту Виктора Хаустова. Не до-

пустите повторной расправы над честным и мужественным человеком.

6 марта 1974 г.

Татьяна Великанова, Сергей Ковалев, А. Э. Левитин (Краснов), Григорий Подъяпольский, Андрей Сахаров, Татьяна Ходорович.

ДЕЛО СУПЕРФИНА

Закончено следствие по делу московского литературоведа Габриэля Суперфина, который был арестован 3 июля 1973 г. и обвинен в антисоветской агитации.

Стало известно, что право Суперфина на свободный выбор защитника было нарушено и он был вынужден самостоятельно, без помощи адвоката, знакомиться с материалами следственного производства по своему делу. Обстоятельства, известные в связи с делом Суперфина, изложены в следующем заявлении Андрея Твёрдохлебова и Марии Слоним:

В Международную Комиссию юристов, Женева.

Копии: Международная амнистия, Комитет защиты Суперфина.

Мы озабочены судьбой московского литературоведа Габриэля Суперфина и хотим ознакомить с обстоятельствами его казуса Вас, ибо заинтересованные лица в поисках адвоката, возможно, обратятся именно к Вам. Дело в том, что, несмотря на предварительную договоренность матери Суперфина с компетентным московским адвокатом Л. А. Юдовичем, Президиум московской коллегии адвокатов не разрешает Юдовичу выехать в город Орел, ссылаясь на «большой объем работы адвокатов в городе Москве». (Следствие по делу Суперфина по непонятным причинам ведется в городе Орле.) Право свободного выбора адвоката гарантировано уголовно-процессуальным законодательством без исключений, но на практике матери Суперфина препятствуют в осуществлении ее права на свободный выбор адвоката.

Габриэль Суперфин был арестован в г. Москве 3 июля 73 года по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьями 70 и 72 УК РСФСР.

Предполагаемые пункты обвинения:

1) Участие в издании известного самиздатовского сборника «Хроника текущих событий»;

2) Редактирование и «передача на Запад» известного тюремно-лагерного дневника Эдуарда Кузнецова;

3) Пометки, сделанные якобы рукой Суперфина, на книге Питера Реддавея «Неподцензурная Россия».

Существенные для адвоката особенности данного казуса:

Суперфин находится под стражей с 3 июля 1973 года в условиях полной изоляции: в свидании с родственниками и адвокатом отказывают.

В первый период Суперфин проходил следствие по одному делу с Виктором Хаустовым, который среди прочего обвинялся в причастности к «передаче на Запад» дневника Кузнецова. В дальнейшем дело Суперфина было выделено в отдельное производство. На состоявшийся 4-6 марта процесс над Хаустовым Суперфин был привезен в качестве свидетеля. Его показания, данные на предварительном следствии, широко использовались обвинением. На этом суде Суперфин отказался от всех своих показаний, данных в период с 22 июля по 5 ноября 1973 г., мотивировав свой отказ тем, что он на следствии давал ложные показания из-за «аморальных и подлых соображений» под давлением следствия и лично полковника Сыщикова. Суперфин указал, что еще 5 ноября он сделал аналогичное письменное заявление следствию. Председательствующий предложил тем не менее зачитать эти, по словам Суперфина, ложные, показания, однако адвокат Хаустова Нимирина Н. Я. заявила протест, поскольку зачитывание данных на предварительном следствии показаний предусмотрено законом только в двух случаях: неявка свидетеля в суд или расхождение его показаний в суде с прежними, отказ же от дачи показаний не является юридическим основанием для зачитывания показаний, имеющих в следственном деле. По ходатайству Нимириной суд объявил перерыв, давший возможность уговаривать Суперфина «ради смягчения участи Хаустова» отвечать на вопросы в судебном заседании (случай уникальный, как с точки зрения процессуальных норм, так и в свете привычных у нас ограничений адвоката, особенно на политических процессах). В результате происшедшего наедине разговора в течение часа Суперфин взял на себя совершение инкриминированных Хаустову деяний. Следует отметить ответную реакцию Хаустова, который тут же в свою очередь заявил, что в этих эпизодах действовал он, а не Суперфин.

В начале следствия Суперфин был подвергнут судебно-психиатрической экспертизе, которая признала его вменяемым. Дело Суперфина будет, по-видимому, слушаться в г. Орле, хотя этот город не является ни местом ареста, ни местом проживания Суперфина, ни местом совершения инкриминируемых действий.

Мы надеемся, что Вы внимательно и непредубежденно относитесь к возможной просьбе о рекомендации подходящего адво-

ката. Мы рассчитываем на Вас в быстроте, поскольку следствие по делу Суперфина кончается 25-26 марта.

18 марта 1974 г.

А. Твердохлебов, М. Слоним

Известно заявление в защиту Суперфина:

Сегодня мир сотрясен ужасом «архипелага ГУЛаг». «Но это не повторится», — обнадеживает себя благодушие. Нет, повторится и повторяется, ибо никуда не уходило. Соккрытие преступления неизбежно порождает новые. Так будет, пока не очищена общественная совесть, пока правда не сказана в полный голос. И до той поры все, кто посмеет сделать тайное явным, будут оказываться «виновными». По логике преступления СВИДЕТЕЛЕЙ быть не должно. И вот их судят за «клевету», сажают в лагерь, гноят в тюрьмах и сумасшедших домах, выбрасывают за границу.

Но главное — их хотят заставить признать, что их СВИДЕТЕЛЬСТВО — уголовное преступление. Этой цели подчинена вся механика следствия. Не только отомстить, не только утрашить, но и раздавить, унижить вырванным «признанием». И когда о своих мыслях, убеждениях, делах, о всем том, что человек считал делом своей совести, он начинает говорить языком статей уголовного кодекса, тогда цель достигнута, следствие может торжествовать. Многие месяцы, иногда — годы, идет репетиция этого жуткого спектакля. И нам, живущим на свободе, не дано знать, как ТАМ, внутри, ломают человеческую душу. Если спектакль удастся, его показывают. А если нет? Тогда об этом должно знать как можно меньше людей. Разгласителям «тайны» грозит все та же следственная мясорубка.

Вырвемся ли мы когда-нибудь из этого заклятого круга?

5 марта 1974 года в зал Орловского суда, где шел процесс по делу Виктора Хаустова, под конвоем был введен 3-летний московский литературовед ГАБРИЭЛЬ СУПЕРФИН. Восемь месяцев провел Суперфин в одиночных камерах Лефортова и Орловского централа, не видя никого, кроме надзирателей и следователей госбезопасности. И вот теперь, в суде, он должен выступить свидетелем. (И Хаустову и Суперфину предъявлено обвинение в передаче на Запад тюремно-лагерного дневника Эдуарда Кузнецова, отбывающего 15-летний срок в лагере особого режима).

Он был так измучен, слаб и взволнован, что суду пришлось объявить перерыв, прежде чем он смог сказать, что он не будет давать показания суду, что еще четыре месяца назад он письменно заявил следователю о ложности своих прежних показаний, вырванных у него многодневными, многочасовыми допросами. Из его слов очевидцы поняли, что следствие, возглавляемое полковником М. М. Сыщиковым, велось незаконными методами.

Свой отказ от дачи показаний на суде Суперфин назвал един-

ственной доступной ему формой протеста против изгнания из страны Александра Солженицына.

Больше мы не знаем ничего. Неизвестно, что именно происходило на этом следствии. Неизвестно, что происходит сейчас, сегодня. Но голос, чудом прорвавшийся к нам из глухоты следственного мешка, голос человека, нашедшего в себе силы противостоять подлости и лжи и этим призвавшего на себя новую опасность, зовет нас к выбору: быть ли нам привычно тихими соучастниками еще одного преступления или пытаться предотвратить его?

По этим вымученным и отвергнутым показаниям совсем недавно были допрошены десятки людей в Москве, Ленинграде, Риге, Таллине, Тарту... И каждому лгали в лицо: «Подтвердите... он во всем сознался».

Вот сущность их МЕТОДОВ — ложь. Она неизменно правит всем ходом следственной машины, которая не служит ни государству, ни его безопасности, но ради самосохранения требует все новых и новых жертв. И пока не будет вскрыта ее безнравственная и незаконная сущность, тень «архипелага ГУЛаг», будет неотступно следовать за нами.

До каких пор будут фабриковаться подобные «дела»? До каких пор невиновных людей, лишенных связей с внешним миром, беззащитных против любого обмана и шантажа, будут перемалывать в следственных изоляторах?

МЫ ТРЕБУЕМ:

1. Немедленно прервать изоляцию Габриэля Суперфина, допустить к нему родственников и выбранного ими адвоката.
2. Немедленно допустить комиссию Международной ассоциации юристов для выяснения всех обстоятельств следствия по делу Суперфина и методов, применяемых КГБ.
3. Освободить Суперфина и решить вопрос о прекращении следствия по его делу.

Евгений Барабанов, Валентина Бердичевская, Вадим Борисов, Татьяна Борисова, Татьяна Великанова, Октябрина Волкова, Владимир Вигилянский, Александр Галич, Юрий Гастев, Сергей Генкин, Александр Гинзбург, Людмила Гинзбург, Галина Гладкова, Владимир Глоцер, Наталья Горбаневская, Александр Грибанов, Ирина Жолковская, Ольга Иофе, Людмила Кардасевич, Сергей Ковалев, Вадим Козовой, Наталья Комарова, Илья Корнеев, Александр Лавут, Борис Ланда, Владимир Лапин, Вера Лашкова, Юрий Левин, Павел Литвинов, Борис Михайлов, Галина Наринская, Григорий Подъяпольский, Ольга Рожанская, Иван Рудаков, Мария Слоним, Андрей Твердохлебов, Виктор Тимачев, Татьяна Ходорович, Наталья Червинская, Лидия Чуковская, Надежда Шатуновская, Сергей Ходорович, Александр Шустер, Борис Шрагин.

Андрей Твердохлебов обратился к Н. В. Подгорному с призывом освободить Суперфина посредством акта помилования:

Н. В. Подгорному от
А. Н. Твердохлебова

Прошу Вас избавить от дальнейших мучений Габриэля Гавриилевича Суперфина — известного литературного историка-архивиста, обвиняемого Орловским Управлением КГБ в антисоветской агитации и пропаганде. Вы можете это сделать с помощью неоднократно применявшейся в последнее время в аналогичных случаях процедуры — специального Указа Президиума Верховного Совета СССР о помиловании.

Возможно, что местные власти (Орловское УКГБ) будут оспаривать аналогию этого случая с известными случаями прекращения дел по помиловании. Дело в том, что Суперфин не только не представил какого-либо прошения о помиловании, но своим отказом от данных им на предварительном следствии показаний, очевидно, весьма рассердил следователя Орловского УКГБ. Тем не менее, если взглянуть на дело Суперфина не с точки зрения узко ведомственных интересов, этот случай более других требует указа о помиловании. Скоро уже 9 месяцев, как в Москве не было случаев ареста по 70-й статье УК РСФСР, и по завершении дела Суперфина цепь непрерывных процессов, проходящих под эгидой дела № 24 о «Хронике», прервется. По многим причинам не хочется, чтобы это дело окончилось для Суперфина терновым венцом страданий физических и нравственных: примите, пожалуйста, во внимание крайне слабое здоровье Габриэля Суперфина.

17 марта 1974 г.

А. Твердохлебов

Ассоциация американских издателей в конце марта отправила телеграммы в защиту Суперфина Н. В. Подгорному.

25 апреля от имени Комитета защиты Суперфина профессора Л. Берс, В. Эрлих и В. Скулли направили Н. Подгорному телеграмму в защиту Суперфина.

ГОЛОДОВКА БУКОВСКОГО

Владимир Буковский, отбывающий заключение в Пермском лагере, 26 февраля был заключен в «помещение камерного типа» сроком на 3 месяца. Известно, что условия со-

держания заключенных в помещении камерного типа более жестоки, чем в лагере.

В знак протеста против жестоких условий содержания в помещении камерного типа Буковский объявил голодовку. Он также требует перевести его в больницу. Ранее сообщалось («Хроника защиты» 7), что Буковский находится в весьма болезненном состоянии и страдает, в частности, болезнью печени. В осведомленных кругах полагают, учитывая болезненное состояние Буковского, что голодовка создает серьезную опасность для его жизни.

Виктор Файнберг, а также многие заключенные Пермских лагерей объявили голодовку в поддержку голодовки Буковского.

Известно, что в начале апреля Буковского посетил адвокат Швейский.

Мать Буковского — Нина Ивановна Буковская неоднократно обращалась к властям с требованием прекратить притеснения ее сына.

В марте ректорат Лейденского университета вновь обратился с призывом к советскому руководству разрешить Буковскому покинуть Советский Союз с тем, чтобы продолжить образование в Лейденском университете.

19 апреля Международная Лига прав человека направила телеграмму в защиту Буковского Н. В. Подгорному.

В защиту Буковского выступила также Международная амнистия.

18 апреля в США был организован комитет в защиту Буковского. Комитет направил письмо Н. В. Подгорному в защиту Буковского и опубликовал следующую декларацию:

Мы, писатели и издатели, глубоко обеспокоены тем, что московский поэт и защитник прав человека Владимир Буковский находится в лагерной тюрьме в условиях, которые ввиду его состояния здоровья серьезно угрожают его жизни.

В течение более чем десяти лет Буковский, которому теперь 31 год, был активным поборником большей интеллектуальной, творческой и политической свободы в СССР и поборником исполнения существующих законов.

Он протестовал против осуждения своих товарищей-инакомыслящих посредством негласного судебного разбирательства, во время которого зал суда наполняется сочувствующей обвинению публикой, и передал на Запад документы об использовании в Со-

ветском Союзе психиатрических больниц-тюрем для подавления инакомыслия. За эту свою деятельность он провел большую часть своей взрослой жизни в психиатрических больницах, лагерях строгого режима и тюрьмах. Его здоровье было подорвано, но он отказался изменить свои взгляды. Сейчас он находится в штрафном заключении с сильно пониженным рационом питания, лишением права свидания, переписки, встреч с законным адвокатом и медицинской помощи, необходимой для того, чтобы он выжил. По мнению родных и друзей Буковского, он подвергается теперь наказанию более строгому, чем то, к которому он был приговорен судом.

Мы, нижеподписавшиеся издатели и писатели, обращаемся к советским руководителям Н. В. Подгорному, Л. И. Брежневу, А. Н. Косыгину с призывом проявить милосердие к Владимиру Буковскому: освободить его из тюрьмы, обеспечить его лечение и, если он желает этого, позволить ему эмигрировать.

Подписи: **Роберт Бернштейн**, президент издат. Рэндом Хаус; **Саймон Майкл Бесси**, президент издат. Атениум; **Генри Карлайл**, писатель; **Ежи Козински**, писатель; **Джон Херси**, писатель; **Вилльям Джованович**, президент издат. Харкорт Брейс; **Артур Миллер**, писатель; **Винтроп Нольтой**, президент издат. Харпер энд Ро; **Гаррисон Солсбери**, писатель; **Джон Апдайк**, писатель; **В. Брандфорд Уайли**, председатель компании Джона Уайли.

ВАЛЕНТИН МОРОЗ ОБЪЯВИТ ГОЛОДОВКУ

Украинский политзаключенный Валентин Мороз после годичного заключения в одиночной камере Владимирской тюрьмы находится в весьма тяжелом физическом состоянии. В одиночную камеру он был переведен по своей просьбе после того, как был ранен уголовниками-сокамерниками. В настоящее время Мороз требует, чтобы он был досрочно переведен из тюрьмы в лагерь (Мороз арестован в 1970 г. и осужден к лишению свободы сроком на 9 лет с содержанием в тюрьме в течение 6 лет и с последующим отбыванием ссылки в течение 5 лет).

Валентин Мороз заявил, что если его требование о досрочном переводе в лагерь не будет удовлетворено, то 1-го июля он объявит голодовку.

Член Американской секции Международной Амнистии Роза

Стайрон призывает защитить В. Мороза в письме, опубликованном 18 апреля в *New York Review of Books*.

В апреле Валентину Морозу было направлено приглашение Браун-университета приехать в США для чтения лекций.

Член Инициативной группы по защите прав человека в СССР Татьяна Ходорович выступила в защиту Мороза:

«Я БОЛЬШЕ НЕ ВЫДЕРЖУ!»

Эти слова принадлежат узнику каторжной Владимирской тюрьмы Валентину МОРОЗУ — духовно сильному, мужественному человеку.

— Я больше не выдержу...

Валентин МОРОЗ, историк по профессии, бывший преподаватель Луцкого педагогического института Украинской ССР, в июне 1970 г. был вторично арестован и вторично осужден по ст. 62 УК УССР («Антисоветская агитация и пропаганда»).

В. МОРОЗУ вынесен жесточайший приговор — тринадцать лет лишения свободы, из них шесть лет тюрьмы — за написанные им книги и статьи! Вот перечень его работ, признанных преступными: 1. «Репортаж из заповедника имени Берия»;^{*} 2. статья «Среди снегов» — о непоследовательном, непринципиальном поведении Ив. Дзюбы; 3. статья, адресованная белорусской поэтессе Евдокии Лось, стихи которой В. Мороз критикует за отсутствие в них духа национального самоутверждения, автор статьи выступает против русификации Белоруссии.

* * *

Отбывать наказание Валентин МОРОЗ был направлен во Владимирскую тюрьму. Там его поместили в камеру, где находились два уголовных преступника-садиста. Долгое время они совсем не давали В. МОРОЗУ спать, поочередно дежуря для этого у его койки.

Все просьбы жены о переводе мужа в другую камеру оставались тщетными. «Он находится с такими же, как и он сам», — заявляли ей.

И вот однажды — измученного бессоницей В. Мороза сокамерники едва не убили, ножом располозовав ему брюшную полость. Тюремное начальство вынуждено было отправить В. МОРОЗА в больницу. Сразу после выхода из больницы (1972 г.) В. МОРОЗ был привезен в Киев свидетелем по делу так называемых

* Работа написана В. Морозом в Дубровлаге, где он отбывал наказание (4 года лишения свободы) после первого ареста в 1965 году. По делу о «Репортаже» В. Мороз в течение 1967 г. находился в следственном изоляторе Лефортовской тюрьмы, однако тогда срок наказания за эту работу ему не был прибавлен.

украинских националистов. Не добившись от него никаких показаний, органы КГБ отправили его обратно во Владимирскую тюрьму.

После настойчивых просьб жены В. МОРОЗ был переведен в камеру одиночного заключения. Там он находится и сейчас в состоянии крайнего физического и нервного истощения. Он близок к гибели.

Во время свидания 9 октября 1973 г. Валентин МОРОЗ просил жену похлопотать об изменении формы наказания — о досрочном переводе его из тюрьмы в лагерь. Свидание было очень тяжелым. Обычно очень уравновешенный, спокойный Валентин МОРОЗ не был похож на самого себя. В состоянии крайнего нервного напряжения, раздражительности, близкий к истерике, он упрекал жену в том, что она не прилагает достаточных усилий для облегчения его участи, умолял и одновременно требовал сделать что-нибудь для его спасения, спасения его жизни.

— Я больше не выдержу!

* * *

Философ Кант говорил, что две вещи больше всего удивляют его: звезды на небе и закон добра в человеке.

Я пишу эти строки в надежде, что этот удивительный закон — закон добра в человеке — восторжествует и зло отступит.

Но отступит оно только тогда, когда раздастся упорный и спокойный голос добра многих людей.

Так пусть каждый человек найдет это добро в самом себе, и пусть раздастся этот голос — голос добра против зла — и, я верю, зло отступит!

ВАЛЕНТИН МОРОЗ не погибнет!

3 апреля 1974 г.

Москва

Т. Ходорович

В ЗАЩИТУ ПЛЮЩА

А. Твердохлебов послал следующее письмо в защиту Л. Плюща начальнику психиатрической больницы специального типа Пруссу (Днепропетровск, улица Чичерина, дом 101):

Я ранее слышал кое-что о вверенной Вам больнице и должен сказать, что в доходивших до меня слухах ничего, кроме порочащего советскую медицину и психиатрию, не было. Более того, Ваша больница пользуется наиболее дурной славой среди подобных ей учреждений. К сожалению, сейчас мне довелось узнать

нечто более конкретное о пребывании в Вашей больнице Леонида Плюща и вот что.

1. Не позднее 19 октября 1973 года Плюща перевели в палату № 9, где его стали лечить не в связи с ухудшением его здоровья, а, по-видимому, с целью искоренить изысканные у него экспертизой социально опасные душевные отклонения от нормы.

Во-первых, это неправильно, потому что не по закону. Статья 13 УК УССР «Принудительные меры медицинского характера» говорит, что судом может быть применено принудительное лечение в психиатрической больнице общего типа или помещение в психиатрическую больницу специального типа. Это различие не случайно и разумно. В больнице общего типа главным лицом является врач, а в [больнице] специального типа — сотрудник МВД вроде Вас. И закон счел невозможным допустить принудительное лечение там, где главным лицом является не врач, а тюремщик. Как это различие выглядит на практике, сказано в следующем пункте. Ясно, что ответственность за нарушение закона ложится целиком на Вас. Ведь вначале, по прибытии, Плюща не лечили.

Во-вторых, это ужасно, потому что после перевода в палату № 9 и лечения Плющу стало совсем плохо: говорит с трудом, судорожно глотает слюну, попросил прервать свидание с женой раньше окончания положенного времени. На предыдущем свидании до лечения ничего подобного не было. Жене это второе свидание дали не сразу 19 октября, когда она приехала с сыном в Днепропетровск, а лишь 22 октября, сославшись на то, что в палате № 9, куда был переведен Л. Плющ, у его соседа по койке нашли острое инфекционное заболевание. «Попробуйте зайти в понедельник, может быть, к тому времени картина прояснится». А как себя чувствовал Плющ до 21 октября и что должно было проясниться для разрешения свидания, можно только догадываться. Там он на свидании предупредил жену, чтобы она не волновалась, если от него не будет писем. Он чувствует себя так плохо, что физически не может писать; пробовал, но не смог продолжать. По настоятельной просьбе жены обещал отсылать письма, хотя бы из одной строчки. Чем же его лечат? Лечащий врач Лидия Алексеевна отказалась отвечать жене: «Зачем Вам это знать? Что надо, то и даем». Фамилию свою она также отказалась назвать. А в отношении болезни Плюща сказала следующее: «Пока я еще не обнаружила у него [...] «философской интоксикации». Однако у больного отмечается склонность к [...] «математизации психологии и медицины». Я врач и понимаю, что математика не имеет никакого отношения к медицине». Может быть, Лидия Алексеевна решила внести свое слово в психиатрию и скоро будет защищать диссертацию на основе исследований над Плющем. Или же она просто говорит первое, что приходит ей в голову, лишь бы отделаться от естественных и законных вопросов его жены.

2. Родственников пациентов встречает распорядившийся всем человек в форме МВД и называющий себя начальником по режиму. Он заявляет, что хозяин — он и режим для каждого, в том числе количество и ассортимент продуктов передачи, он определяет в соответствии со статьями обвинения и видом лагеря прежнего содержания пациента, «у нас здесь тюрьма, Плющ-то у нас по 62-ой статье, так что Вы хотите». У Вас действительно тюрьма. В палате-камере № 9 находятся 26 человек и находятся они там безвыходно. Выводят только раз в день на часовую прогулку и три раза в день «на оправку». Санитарами и в обслуге работают заключенные. Родственникам разрешено передавать не более одной продовольственной передачи в две недели, а вес каждой передачи не должен превышать пяти килограмм, а кроме того, в каждой передаче могут быть только разрешенные к передаче продукты в разрешенном количестве: Масло — 0.4 кг., сахар — 0.5 кг., варенье — 0.5 кг., фрукты — до 1 кг., овощи — до 1 кг., сыр — до 0.5 кг., яйцо — 10 шт., мед — 0.5 кг., хлеб — 0.5 кг.; лук, чеснок — 0.5 кг., молоко — 1.5 л., колбаса — 0.15 кг. Последнее, количество молока и колбасы, — невероятно мало. Однако таковы условия содержания в Вашей тюрьме. Можно ли в таких условиях лечить помещенных к Вам лиц? Какие административные средства Вы применяете к подчиненным Вам врачам, чтобы они не отказывались лечить пациентов в таких условиях?

3. Отмена или изменение принудительного помещения Плюща в Ваше учреждение в соответствии со статьей 422 УПК УССР производится на основе представления администрации учреждения. Основанием же для применения принудительных мер медицинского характера является социальная опасность характера обнаруженного заболевания. Имеется ли у Вас специалист-социолог, чье мнение о социальной опасности заболевания является решающим, или же вопрос о социальной опасности «философской интоксикации» и «математизации психологии и медицины» будет решаться все той же Лидией Алексеевной? Подчеркну, что сейчас считается признанной роль социального работника в деятельности служб охраны психического здоровья (см. журнал «Хроника ВОЗ», том 27, № 9, сентябрь 1973 года, стр. 428, Отчет о деятельности рабочей группы, созданной Европейским региональным бюро ВОЗ совместно с правительством Франции, Ницца, 4-7 сентября 1972 г.).

Я хотел бы получить от Вас ответ на все содержащиеся в этом письме вопросы, за исключением одного: «Зачем нам это знать?» Это не мой вопрос, а Лидии Алексеевны.

28 октября 1973 г.

А. Твердохлебов

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ В ЛЕНИНГРАДЕ

В Ленинграде были проведены обыски у Владимира Марамзина (40 лет, писатель), Елены Варгафтик и ее мужа Игоря Брухина.

Ленинградский литератор Михаил Хейфец, как сообщают, в апреле подвергался допросам в КГБ в связи с обыском у Марамзина. 23 апреля он был арестован.

Ленинградский литературовед проф. Е. Эткинд в апреле исключен из Союза писателей. Ученый совет Ленинградского Педагогического института 25 апреля принял решение от увольнения проф. Эткинда и о лишении его звания профессора. Полагают, что эти меры против него связаны с недавними обысками в Ленинграде у писателя Марамзина и др. Среди «обвинений», предъявленных Эткинду: его встречи с Солженицыным и Бродским и написание рецензии на статью о стихах Бродского.

В связи с проведенным у него обыском Марамзин опубликовал заявление, в котором сообщает, что на допросе в КГБ майор Ревчук угрожал ему тем, что он будет «переведен в обвиняемые».

В заявлении, в частности, говорится:

Я никогда не отказывался от литературной работы и писал сценарии для телевидения, научно-популярного кино и т.д., несмотря на то, что я чистый прозаик. «Ничего, — говорил я себе, — просто нужно работать не 10, а 16 часов в сутки, тогда успеешь и свою прозу написать, и сделать нечто, имеющее шанс выйти к читателю. А проза пусть лежит в столе, ждет своего часа. Не нужно торопиться».

Сценарии, впрочем, в результате тоже почти всегда ложились в стол или на экране оказывались совершенно неизвестными. Радовали только детские книжки. Они выходили. Их у меня три. Дети, как я убедился, их любят.

Но вот оказался, что, и лежа в столе, наша литература раздражает тех, кто вершит наши судьбы. Меня обыскали, увезли больше 10.000 листов моих рукописей, а также все стихи поэта Иосифа Бродского, с которым мы были дружны. Начались затяжные допросы. Конфисковали машинку — я не могу теперь написать пустячную рецензию, чтобы заработать на жизнь.

В чем же меня обвиняют? Я не знаю. Я свидетель по делу № 15. Все, что мне о нем сказали, — это дело о распространении в Ленинграде документов, порочащих советский государственный и общественный строй.

ОБЫСК У ПИСАТЕЛЯ НЕКРАСОВА

Писатель Виктор Некрасов опубликовал заявление «Кому это нужно?», в котором, в частности, обсуждается проблема преследования инакомыслящих интеллигентов в СССР.

Из этого заявления стали известны подробности обыска, проведенного работниками КГБ на квартире Некрасова 17 января 1974 г.:

17 января сего 1974 года девять человек, предъявив соответствующий на это ордер со всеми подписями, в течение 42 часов — (с перерывом, правда, на ночь) — произвели в моей квартире обыск. Нужно отдать должное — времена меняются — они были вежливы, но настойчивы. Они говорили мне «извините» и рылись в частной моей переписке. Они спрашивали «разрешите?» и снимали со стен картины. Без зуботычин и без матерных слов они обыскивали всех проходящих. А женщин вежливо приглашали в ванную, и специально вызванная сотрудница КГБ — (какая деликатность, ведь могли бы и сами!) — раздевала их донага, и заставляла приседать, и заглядывала в уши, и ощупывала прически. И все это делалось обстоятельно и серьезно, как будто это не квартира писателя, а шпионская явка.

К концу вторых суток они все поставили на место, но увезли с собой семь мешков рукописей, книг, журналов, газет, писем, фотографий, пишущую машинку, магнитофон с кассетами, два фотоаппарата и даже три ножа — два охотничьих и один мамин хирургический. Правда, два из семи мешков были заполнены журналами «Пари-матч», «Лайф» и «Обсерватёр», и часть вещей уже возвратили (в том числе и ножи, поняв, очевидно, что я никого резать не собирался), — но основное: мои черновые, даже не перепечатанные на машинке рукописи до сих пор еще изучаются.

В ордере на обыск сказано, что он производится у меня, как у свидетеля по делу № 62. Что это за дело, мне до сих пор неизвестно, кто по этому делу обвиняется — тоже тайна. Но по этому же делу у пятерых моих друзей в тот же день были произведены обыски, а трое были подвергнуты допросу. На одного из них, коммуниста-писателя, заведено персональное партийное дело. Всех их в основном расспрашивали обо мне. Что же касается меня

самого, то я после обыска шесть дней подряд вызывался на допрос в КГБ к следователю по особо важным делам.

Как сказано было все в том же ордере, цель обыска — «обнаружение литературы антисоветского и клеветнического содержания». На основании этого у меня были изъяты, кроме моих рукописей, книги Зайцева, Шмелева, Цветаевой, Бердяева, «Один день Ивана Денисовича» на итальянском (!) языке (на русском не взяли), однотомник Пушкина на языке иврит (вернули), «Житие преподобного Серафима Саровского» (вернули), «Скотный двор» Орвелла оставили себе, немецкие и украинские газеты периода сталинградской битвы, ну и упомянутые «Пари-матчи», которые вернули, но не все, какие-то, в частности номер, посвященный Хрущеву (октябрь 1964), показались предосудительными.

ЗАЯВЛЕНИЕ МАРЧЕНКО

Бывший советский политзаключенный, автор книги «Мои показания», посвященной положению политзаключенных в СССР, опубликовал заявление о произведенном у него обыске и о допросе в КГБ:

3-го ноября прошедшего года госбезопасность произвела обыск в моем доме — «по делу № 24», как было сказано в ордере, т.е. по делу о «Хронике».

Я прекрасно понимал, что ссылка на «Хронику» — только предлог порыться в моих бумагах. Действительно, хотя у меня не нашлось ничего, даже косвенно относящегося к этому делу, обыскватели увезли из дома буквально все, напечатанное на машинке или написанное от руки: безымянную работу «Системный взгляд на историю», анонимные стихи, статьи на злободневные темы, машинописный экземпляр «Август 14-го», мои личные дневниковые записи и черновики и т.п. Я отправил жалобу Генеральному прокурору Руденко, требуя вернуть мне мои бумаги. Вместо ответа я получил к Новому Году повестку — явиться для допроса в КГБ.

И вот допрос состоялся. Привожу его в сокращенном виде, стараясь передать лишь самое примечательное со всей возможной точностью.

После обязательных формальностей старший следователь по особо важным делам Харитонов предложил мне рассказать, что я знаю по делу № 24, т.е. о «Хронике». Я ответил, что «Хронику» знаю лишь понаслышке, то, что знаю о ней, дает мне основание считать ее важным дополнением к советской прессе.

На этом с «делом № 24» было покончено. Далее Харитонов перебирал отобранное у меня на обыске, задавая вопросы, что это

такое, чье, откуда я взял и с какой целью хранил эти бумаги. Я неизменно отказывался отвечать на эти вопросы, поскольку не считаю эти материалы криминальными, и требовал их возвращения. Харитонов зачитывал: «Следствием установлено, что в таком-то документе содержатся элементы идеологии, враждебной нашей; в таком-то — имеется резкий выпад против наших порядков» — и т.д. Об «Августе 14-го» он сказал, что эта книга издана на Западе и используется враждебной Советскому Союзу пропагандой, что в моем экземпляре имеются фотографии царя и царских генералов, не опубликованные в нашей литературе, и этого всего достаточно, чтобы считать книгу криминальной.

Дошло до моих личных записей.

Харитонов: Что это такое?

Я: Это мои дневниковые записи. Я требую их возвращения.

Харитонов: Для чего вы их писали? Как были намерены их использовать?

Я: Пока сам не знаю.

Харитонов: Мы их изучили, эти записи могут быть использованы для создания произведения, и даже не одного.

Я: Вы не имели права их отбирать, исследовать и тому подобное, вы не можете делать о них выводы, так как даже я сам не знаю, что из них может получиться.

Харитонов читает мне заготовленное заключение о моих записях. Я не запомнил дословно это заключение, но смысл его сводился к тому, что мои записки являются черновыми планами будущих произведений, которые, судя по записям, будут проникнуты враждебной идеологией и клеветой на советскую действительность; если эти будущие произведения попадут на Запад, они смогут быть использованы враждебной пропагандой во вред нашему государству.

Поэтому, — сказал Харитонов, — ваши записи не будут вам возвращены.

После этого я вообще отказался от дальнейшего участия в допросе.

Когда Харитонов оформил запись допроса, он сказал, что со мной будет официально беседовать другой сотрудник ГБ, майор Жернов.

Жернов: Вы неоднократно судимы, но не исправились и продолжаете заниматься антиобщественной деятельностью. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 года объявляем вам предостережение.

Я: Что это за Указ?

Жернов показал мне этот документ. В Указе было сказано, насколько я его понял, следующее: лицам, совершившим антиобщественные поступки, не влекущие за собой уголовной ответственности, органы дознания могут объявлять предостережение о том, что если они будут продолжать совершать подобные действия,

то их будут привлекать к уголовной ответственности. Я никак не в состоянии понять логику этого Указа, поэтому спросил, опубликован ли он где-нибудь, например, в «Ведомостях Верховного Совета» или в газетах. — Нет, — ответил мне Жернов, — не опубликован, мы вам его сообщаем, он есть и имеет юридическую силу.

Я: Так это самиздатский документ!

Жернов был взбешен: На кого вы руку поднимаете, какой вы советский человек?!

Я: Советский человек должен жить по законам писанным, а этот Указ суется из-под полы вам и мне.

После очередного взрыва возмущения Жернов дал мне прочесть «Постановление о предостережении»: книга «Мои показания» (антисоветская и клеветническая), письма, тоже клеветнические, в международные и советские организации и в западные газеты, участие в антиобщественной деятельности группы Якира, Литвинова, Богораз, Григоренко и Горбаневской; материалы обыска 3-го ноября 1973 г. указывают на продолжение антиобщественной деятельности.

В «предостережении» (как и в Указе) я не уловил логики, поэтому отказался подписать его.

Между прочим, во время спора с Жерновым, когда я пытался доказать, что, с какой стороны ни толкуй, перечисленные мне действия не подпадают под Указ, он сказал: «Они (действия) ныне уголовно не наказуемы, поскольку вы уже были за них наказаны в 1968 г., нельзя дважды судить за одно и то же».

Я: Так вы утверждаете, что меня осудили за «Мои показания» и письма? А ведь судили по ст. 198, за нарушение паспортного режима...

Жернов: Ну, вы же сами понимаете, что по существу — за вашу деятельность.

После допроса и беседы я понял лишь одно: и обыск, и допрос, и предостережение — все это нужно для того, чтобы запугать меня, заставить молчать. Одних беспокойных людей торопят с отъездом из страны (кстати, приблизительно месяц назад косвенным путем и мне было предложено выехать из страны как можно скорее, иначе мне придется «вернуться в те места, откуда приехал», т.е. в лагерь); в других случаях вот этот самый Указ и соответствующее предостережение используются в качестве кляпа; иных пытаются связать круговой порукой — так, например, в течение 1973 г. допрашиваемых по делу № 24 предупреждали, что если выйдет очередной номер «Хроники», то арестуют А. Якобсона. Людей известных (Сахарова, Солженицына) пытаются опорочить публично в прессе и тоже запугать, шантажируя участием родных. КГБ стремится к тому, чтобы в стране воцарилась снова тишь да гладь, чтобы в соответствии с «национальными обычаями», любезными нашему руководству, снова стало так, как писал Шевченко:

От молдаванина до финна
На всех языках все молчит,
Бо благоденствует.

Я считаю необходимым рассказать о своей ситуации, так как, во-первых, она достаточно характерна на сегодняшний день, во-вторых, в огласке я вижу единственное средство самозащиты. Иначе — для того, чтобы быть в безопасности, да и то относительно, мне надо было бы разучиться грамоте.

А. Марченко

9 января 1974 г.

г. Таруса, Калужской области,
ул. Луначарского, 39.

В СССР СОСТАВЛЯЮТ СПИСКИ ВЕРУЮЩИХ

Журнал «Братский листок» № 1 1974 г. (орган Совета церквей евангельских христиан-баптистов) сообщает о мероприятиях по учету верующих, проводимых комиссиями по контролю за соблюдением законодательства о культах. Эти комиссии функционируют при исполнительных комитетах, местных советах депутатов трудящихся и возглавляются обычно заместителями председателя местного совета или секретарем исполкома. По сообщению «Братского листка», в работе комиссий участвуют члены горкомов и райкомов партии, работники КГБ, прокуратуры, милиции, здравоохранения, просвещения.

«Братский листок» приводит текст документа, который в конце 1973 г. был разослан различным предприятиям, председателям комиссий по религиозным культам Октябрьского района города Харькова:

16-ХІ-73 г.

Секретарю Парторганизации
Председателю ФЗМК

С целью контроля за соблюдением законодательства о культах, просим представить списки верующих, работающих на вашем предприятии. В списках по состоянию на 1 декабря 1973 г. следует указать: фамилию, имя, отчество (полностью), год рождения, специальность, принадлежность к какой вере, в чем проявляет нарушение законодательства о культах.

Необходимо также указать, какие произошли изменения в 1973 г. в составе работающих верующих. О возможных изменениях в 1974 г. по вышеуказанному вопросу просим сообщить дополнительно.

Списки следует представить не позднее 10 декабря 1973 г. на имя председателя комиссии райисполкома по соблюдению законодательства о религиозных культах.

Секретарь исполкома — председатель комиссии по религиозным культам Октябрьского района г. Харькова — (Кашина)

По поводу кампании по составлению списков верующих «Братский листок» напоминает, что декретом 1918 г. об отделении церкви от государства установлено, что «из всех официальных актов всякое указание на религиозную принадлежность и непринадлежность граждан устраняется».

В «Хронике Литовской католической церкви» № 6 опубликована анкета, которую должны были заполнить ученики школ в г. Приенаи в 1973 г. Ниже публикуются вопросы этой анкеты.

1) За что ты ценишь человека? — За прилежание, откровенность, справедливость, любезность, коллективизм, внешность, начитанность, одаренность, религиозность?

2) Как ты оцениваешь взрослых, которые посещают церковь? (положительно, отрицательно, без оценки).

3) Как ты оцениваешь учеников, которые посещают церковь? (положительно, отрицательно, без оценки).

4) Согласен ли ты с мнением верующих, что молитва и вера облагораживают человека? (согласен, не согласен, не знаю).

5) Некоторые родители посылают своих детей в церковь, как ты относишься к поведению таких родителей? (положительно, отрицательно, без оценки).

6) В школе утверждают, что молитва и вера в бога противостоят науке. Каково твое мнение? (согласен, частично согласен, не согласен).

7) Соблюдаются ли в вашей семье церковные праздники? (да, нет, иногда).

8) Имеются ли в вашей квартире, в вашем доме, иконы? (да, нет).

9) Принято ли в вашей семье креститься до и после еды? (да, нет).

10) Молятся ли в вашей семье? (да, нет, иногда).

11) Бывают ли у вас в Сочельник рождественские облатки? (да, нет).

12) Посещает ли вас священник? (да, нет).

13) Верешь ли ты в бога, ангелов, черта? (да, нет, иногда).

14) Когда ты был последний раз в церкви? (5, 4, 3, 2, 1 год назад, недавно).

15) Участвовал ли ты в Первом Причастии? (да, нет).

16) Кто подготовлял тебя к Первому Причастию? к конфирмации? (родственники, тетки, церковнослужители, священник).

17) Любишь ли ты разговоры на атеистические темы и атеистические книги? (да, нет, такие вопросы до сих пор не возникали).

18) Церковь проповедует любовь к родителям и не делать зла. Поэтому она и не наносит вред? (согласен, не согласен, не знаю).

19) Законы природы непоколебимы, поэтому не бывает чудес? (согласен, не согласен, не знаю).

10) Веруют ли твои родители? (верующие, неверующие, сомневаются).

21) Зачем ты ходишь в церковь? (из убеждения, по побуждению родителей, потому что интересно).

По сообщению «Хроники Литовской католической церкви», «по заполнении этого вопросника, продиктованного учителем в классе, ученики должны его подписать и сдать учителю.

«Ученики отвечают на такие вопросы по-разному: одни пишут откровенно, что думают, другие — скрывают свои суждения. Если в школе окажется, что превалирует число верующих учеников, сразу же усиливается антирелигиозная пропаганда».

В ЗАЩИТУ БАПТИСТОВ

Андрей Твердохлебов, московский физик, один из основателей Комитета прав человека, направил в Президиум Верховного Суда Казахской ССР заявление в защиту осужденных евангельских христиан-баптистов:

В Президиум Верховного Суда Казахской ССР.

Копии: В Президиум Верховного Суда Киргизской ССР

В Президиум Верховного Суда Таджикской ССР

от А. Н. Твердохлебова

З А Я В Л Е Н И Е

Обращаю ваше внимание на ваше же постановление — Постановление Президиума Верховного Суда Казахской ССР от 3

июня 1966 года «О применении статьи 130 УК ССР», в котором разъясняется, что «организация, систематическое проведение занятий по обучению несовершеннолетних религии является нарушением законов об отделении церкви от государства и школы от церкви и влечет уголовную ответственность по статье 130 УК Каз. ССР».

Дело в том, что это Постановление находится в неустранимом противоречии с ратифицированными Президиумом Верховного Совета СССР в сентябре прошлого года Пактами Объединенных Наций о Правах Человека (приложу для сведения в качестве приложения тексты соответствующих статей Пактов). Вообще говоря, подобные противоречия обычны и в этом нет большой беды, если бы они представляли только академический интерес для охотников копаться в юридических тонкостях. Странно и дико другое — то, что в деле № 2-11 Талды-Курганского областного суда (а за его дела вы несете прямую ответственность) встретилось в качестве основания обвинения по статье 130 ч. 2 ссылка на ваше Постановление 1966 года, которое цитируется мною в начале письма из приговора по этому делу.

Процесс в Талды-Курганском областном суде шел над активистами местной общины евангельских христиан-баптистов. Для подсудимых он закончился так:

«Павлову Якову Николаевичу, рождения... 7 апреля 1935 года, уроженцу села Моховского, Моховского района, Алтайского края, русскому, гражданину СССР, беспартийному, со средним специальным образованием, работавшему техником-проектировщиком в проектно-сметном бюро Талды-Курганского ОбКом-Хоза, проживающему в городе Талды-Кургане по улице Маяковского 2а, семейному, имеющему 8 детей в возрасте от двух до пятнадцати лет, ранее не судимому, находящемуся под стражей с 21 сентября 1973 года — 5 лет лишения свободы... (подсудимые обвинялись также по статьям 170-1 и 200-1 ч. 1 УК Каз. ССР).

Ватулко Анатолию Михайловичу, рождения 1 апреля 1933 года, уроженцу города Кульджи КНР, русскому, беспартийному, образования 5 классов, семейному, имеющему 7 детей в возрасте от 4-х до 13 лет, ранее не судимому, работавшему шлифовщиком Автобазы ОблПотребСоюза, проживающему в городе Талды-Кургане по улице Набережная 92, находившемуся под стражей по данному делу с 5 октября 1973 года — 5 лет лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Каспер, Вальтеру Абрамовичу, рождения 1 апреля 1928 года, уроженцу села Виноградное Курпского района, Северо-Осетинской АССР, немцу, гражданину СССР, беспартийному, образования 5 классов, семейному, имеющему 3-х несовершеннолетних детей в возрасте от 2 до 16 лет, работавшему пилорам-

щиком в РСУ КазРемСтройСбыт, проживающему в городе Талды-Кургане по улице Мичурина 29, ранее не судимому, находившемуся под стражей по данному делу с 5-го Октября 1973 года — 5 лет лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Шенбель, Эвальду Августовичу, рождения 8 февраля 1917 года, уроженцу города Оренбурга, Оренбургской области, немцу, гражданину СССР, беспартийному, образования 5 классов, семейному, имеющему на иждивении 5 несовершеннолетних детей в возрасте от 4-х до 15 лет, неработавшему пенсионеру по старости, ранее не судимому, находившемуся под стражей с 5 октября 1973 года — 3 года лишения свободы условно с испытательным сроком в 3 года.

Ватулко, Вениамину Михайловичу, рождения 4 февраля 1939 года, уроженцу города Кульджи КНР, русскому, гражданину СССР, беспартийному, образования 9 классов, имеющему 7 детей в возрасте от 4 месяцев до 5 лет, работавшему кочегаром на заводе нестандартного оборудования, проживающему в городе Талды-Кургане по улице Гагарина № 57, судимому по статье 90 УК Каз. ССР 25 сентября 1961 года на три года лишения свободы, освобожденному 26 марта 1963 года условно, досрочно на 9 месяцев 13 дней в соответствии со статьей 47 Уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, судимость погашена, находившемуся по данному делу под подпиской о невыезде — 5 лет лишения свободы в ИТК строгого режима.

Каспер, Элле Вальтеровне, рождения 16 августа 1949 года, уроженке села Гжу-Агач, Кабальского района Талды-Курганской области, немке, гражданке СССР, беспартийной, образования 10 классов, незамужней, работающей бухгалтером в Талды-Курганском ТМЗУ-47, проживающей в городе Талды-Кургане, улица Мичурина 29, ранее не судимой, находившейся по данному делу под подпиской о невыезде — 3 года лишения свободы в ИТК общего режима.

Кроме того суд лишил родительских прав:

Павлова, Я. Н. в отношении детей: Павла, 1959 года рождения, Ольги, 1961 года рождения, Семена, 1962 года рождения, и Елены, 1964 года рождения.

Ватулко, А. М. в отношении детей: Людмилы, 1960 года рождения, Михаила, 1961 года рождения, Павла, 1963 года рождения, и Петра, 1965 года рождения.

Каспер, В. А. в отношении детей: Самуила, 1956 года рождения, и Петра, 1963 года рождения.

Ватулко, В. М. в отношении детей: Светланы, 1964 года рождения.

Полагаю, что вам прежде всего необходимо отменить этот суровый приговор в том числе потому, что слишком много мест в тексте приговора говорят о разгроме не только церковной, но просто культурной общины. Вот несколько свидетельствующих о том цитат из текста приговора, подписанного Председательствующим Г. Овершиным:

«Для этой цели подсудимые использовали разнообразные формы пропаганды: чтение проповеди, прослушивание магнитных записей, исполнение хоровых и сольных религиозных стихов и песен, литературно-музыкальных композиций, сопровождающихся игрой на музыкальных инструментах» (стр. 2 приговора).

«Организовывались и систематически проводились занятия по обучению несовершеннолетних детей религии в нарушение установленных законом правил» (стр. 4).

«Так сами подсудимые Павлов, Каспер В. А. и Ватулко Анатолий пояснили, что они по договоренности между собой организовали занятия по обучению своих несовершеннолетних детей религии» (стр. 5).

«Свидетель... показала, что дети в основном собираются в субботу и воскресенье. Там всегда хорошо поет религиозные песни подсудимая Каспер Эля» (стр. 5).

«Свидетель... на предварительном следствии в суде пояснила, что она видела, как Каспер Эля на специальном переплетном станке клеила книгу. Подтверждается это и изъятым переплетным станком, а также изъятыми заготовками из тетрадей и книг и изъятыми блокнотами с рукописным текстом, принадлежащими Каспер Эле» (стр. 9).

«Об активном участии ее в деятельности общины свидетельствует запись в блокноте Каспер Эли: «23 апреля 1972 года в 1:00 вылетела в город Алма-Ату. Прибыла благополучно. Попала на детское собрание. Вечером была и на общем. 24 апреля в 10:22 вылетела из Алма-Аты на самолете Караганда-Куйбышев-Рига. Прибыла благополучно по местному времени в 5:00. Встречала Машу»...» (стр. 9).

«Наряду с местными проповедями на пленках записаны проповеди зарубежных радиостанций, выступления приезжих проповедников, широкое привлечение к проповеди женщин, выступления детей с декламациями и песнопениями, проповеди на немецком языке и музыкальные записи религиозного содержания» (стр. 10).

«Вещественные доказательства по делу, магнитофон «Астра», фотоаппарат «Чайка» и фотоувеличитель подлежат конфиска-

ции как орудия преступления. Вся литература, сборники, тетради, блокноты, магнитные ленты в кассетах, самодельный переплетный станок и две застекленные рамки с божественным писанием подлежат уничтожению, а две застекленные рамки с вышивками, не содержащими божественного писания, подлежат возвращению семье Ватулко Анатолия» (стр. 11).

Полагаю, кроме того, что вам надлежит отменить постановление от 3/6 1966 года. Это необходимо и важно сделать по следующим причинам:

1. Приблизило бы практику к требованиям Пактов.

2. Явилось бы хорошим примером для братских верховных судов Таджикистана и Киргизии, где также известны аналогичные случаи усердия местных властей. Так в городе Душанбе 16 сентября 1973 года милиция грубо разогнала собрание членов местной церкви ЕХБ по случаю праздника жатвы. А в городе Фрунзе местные власти разогнали молитвенное богослужение, связанное с бракосочетанием членов местной церкви ЕХБ.

3. Уменьшило бы число заявлений и жалоб в центральные органы в Москве, которые, как известно, довольно болезненно реагируют на подобные письма. Ведь необходимость обращаться в центр означает неверие в желание местных властей исправить нарушение. А это в свою очередь исключает возможность относиться к подобным явлениям, как к отдельным недостаткам.

14 марта 1974 г.

А. Н. Твердохлебов

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ТРУД В СССР

В «Хронике защиты» 2 (стр. 73) сообщалось о нормах, регулирующих привлечение городских жителей к сельскохозяйственным работам, и, в частности, сообщалось о том, что постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР установлено, что за рабочими и служащими, привлеченными таким образом к сельскохозяйственным работам, сохраняется лишь 50% среднего заработка по месту работы (вопреки ст. 14 Основ законодательства о труде Союза ССР и союзных республик, предусматривающей, что в случае перевода рабочих и служащих на другую работу без их согласия

сохраняется их средний заработок по месту прежней работы).*

Недавно А. Д. Сахаров** обратил внимание на то, что «все школьники в Узбекистане... многие месяцы вынуждены проводить ежегодно вместо учебы на хлопковых плантациях и почти поголовно больны от вдыхания гербицидов».

На эту проблему в 1969 г. обращал внимание советский юрист В. С. Орлов (см. его книгу «Подросток и преступление», МГУ, 1969). Он отметил, что одним из нарушений закона о всеобщем обучении является «отправление учащихся в осенние месяцы на сельскохозяйственные работы и особенно на сбор хлопка». Несмотря на строжайшие запреты, — продолжает Орлов, — это до сих пор практикуется в республиках Средней Азии и в Азербайджанской ССР. В результате школьники на длительное время оторваны от учебы, пропускают ежегодно целую четверть, учебная программа осваивается наспех, порой из нее выпадают целые разделы». Автор указывает, что постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР об улучшении общеобразовательной школы партийным и советским органам предложено не допускать отвлечения школьников, учителей и руководителей школ от выполнения ими своих прямых обязанностей.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Репрессии

■ Литовская газета «Тiesa» (17 марта) сообщила о происшедшем недавно в Вильнюсе судебном процессе над группой лиц, арестованных по обвинению в антисоветской агитации (ст. 68 УК Лит ССР). Сообщается, что подсудимые Алойзас Мацкевичус, Видмантас Повилионис, Изидориус Рудайтис, Антанас Сакалаускас и Шарунас Жукаускас, по со-

* О возмещении ущерба в случае, если работник, направленный для выполнения сельскохозяйственных работ, получил увечье, см. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», № 1, 1974, стр. 4.

** Андрей Сахаров, «О письме Александра Солженицына «Вождем Советского Союза», издат. «Хроника», Нью-Йорк, 1974.

общению газеты, издали «листовку антисоветского характера» и распространяли ее. Кроме того, сообщается, что Рудайтис (врач-радиолог) регулярно слушал передачи зарубежных радиостанций, записывал эти передачи и распространял. Сообщается, что, за исключением Рудайтиса, все подсудимые — молодые люди.

Содержание приговора суда — неизвестно.

■ По сообщению газеты «Комяунимо тиеса» (30 марта), в Литве осужден Антанас Терлицкас. Указано, что Терлицкас приговорен к 1 году лишения свободы. По сообщению газеты, Терлицкас принадлежал к националистической подпольной группе, которая похитила типографские принадлежности, чтобы печатать антисоветские прокламации. Как можно понять, Терлицкас ранее (в 1956-57 г.) подвергался политическому преследованию.

■ По сообщению газеты «Правда Востока» (Г. Ташкент, 14 января 1973 г.), инженер Борис Андреевич Ким и сотрудник института «Средазгипроводхлопок» Яков Моисеевич Кауфман были приговорены к «длительным срокам лишения свободы» по обвинению в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй. В статье указывается, что осужденные распространяли анонимные письма с клеветническими измышлениями, посвященные, в частности, обсуждению политики СССР на Ближнем Востоке. Указывается также, что взгляды Кауфмана были близки к идеям сионизма, а иногда и идентичны с ними.

■ Виктор Некипелов, арестованный 11 июля 1973 года по обвинению в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй, и подвергнутый психиатрической экспертизе в Институте судебной психиатрии им. Сербского, признан вменяемым (см. о нем «Хроника защиты» 7); следствие по его делу закончено.

■ Сергей Пирогов, арестованный 12 июля 1973 г. в Архангельске по обвинению в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй, признан вменяе-

мым экспертной комиссией Института судебной психиатрии им. Сербского и отправлен в Архангельск.

■ Есть сообщение об аресте престарелого (79 лет) Даниила Андреевича Остапова, который в свое время был весьма близок к ныне покойному патриарху всея Руси Алексию.

В защиту Остапова выступили А. Сахаров и И. Шафаревич:

Мы глубоко обеспокоены слухами об аресте старинного помощника патриарха Алексия Данила Андреевича Остапова. Для тяжело больного семидесятидевятилетнего человека такое испытание может иметь трагические последствия. Мы просим церковные круги как в нашей стране, так и за рубежом проявить заинтересованность в этом деле и приложить усилия к тому, чтобы оно было предано гласности.

28 марта 1974 г., Москва

Андрей Сахаров, Игорь Шафаревич.

■ Есть сообщение, что 23 марта в Тбилиси арестована Валентина Палоидзе (р. 1933 г.) по обвинению в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советских строй (ст. 206¹ УК ГрузССР).*

■ Стала известна жалоба Генеральному прокурору СССР от А. А. Кузенкова (г. Кронштадт), в которой он протестует против изъятия у него на обыске (28 февр.) его личных вещей. Обыск был произведен по делу Суперфина и связан, как можно понять, с тем обстоятельством, что информация об осуждении Кузенкова в 1968 г. проникла в «Хронику текущих событий» (вып. 18).

По сообщению «Хроники», Кузенков был приговорен за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй, к 2,5 годам лишения свободы.

В своей жалобе Кузенков отмечает, что среди прочего у него были изъяты его «прошения в Президиум Верховного Совета СССР о выездной визе за пределы СССР».

■ 22 февраля в Москве был произведен обыск на квартире Елены Сироченко по постановлению прокуратуры Армян-

* Возможно, в написании фамилии допущена ошибка.

ской ССР в связи с делом Рубена Хачатряна, арестованного, как сообщается, 10 января. После обыска Сироченко была подвергнута допросу.

■ Продолжаются репрессии против некоторых этнических немцев, проживающих в СССР, которые настаивают на праве выехать в Западную Германию. 20 марта были проведены обыски у Фридриха Руппеля, у Лили Бауэр и на квартире Витауса Григаса, а также у некоторых немцев в Эстонии. Согласно сообщениям, эти обыски связаны с изданием в Самиздате сборника «Репатрия», посвященного проблемам репатриации советских немцев (см. «Хроника защиты» 7).

Известно, что один из составителей этого сборника, Витаус Григас, в середине января был помещен в психиатрическую больницу им. Кащенко в Москве после того, как он принял участие в демонстрации, проведенной немцами. 26 марта Григас был освобожден из больницы.

■ 15 апреля Виктор Файнберг опубликовал заявление в защиту Буковского и объявил голодовку в знак солидарности с голодовкой Буковского. 30 апреля Файнберг был насильственно госпитализирован в психиатрическую больницу; о прекращении голодовки сведений нет.

■ Писатель Виктор Некрасов 22 марта был насильно выслан из Москвы и направлен к месту своего постоянного жительства в г. Киев.

■ По сообщению Солженицына, переданному БиБиСи, бывший политзаключенный Александр Гинзбург, как можно понять, был, подобно Некрасову, изгнан из Москвы. Гинзбург проживает в г. Таруса под административным надзором. В заявлении Солженицына Гинзбург назван «Уполномоченным Советского Политического Красного Креста». Насколько известно, это первое упоминание о существовании Советского Политического Красного Креста.

21 апреля Гинзбург сделал заявление о том, что он будет оказывать содействие в помощи политзаключенным и их семьям, которую намерен оказывать Солженицын. Обращаясь

к тем, кто озабочен помощью политзаключенным, Гинзбург сообщает свой адрес:

Г. Таруса, Калужская обл., Лесной переулок, д. 5
Александр Ильич Гинзбург.

После опубликования этого заявления «Группа 73» — группа для изучения проблем помощи политзаключенным в составе: В. Альбрехт, И. Корнеев, А. Твердохлебов — направила Александру Гинзбургу приветственную телеграмму.

■ Ранее неоднократно сообщалось об отключении телефонов у деятелей советского движения в защиту прав человека (см., например, «Хроника» 26). Недавно стало известно о том, что уже в течение нескольких месяцев отключен телефон у Татьяны Житниковой, жены Леонида Плюща, который содержится в Днепропетровской специальной психиатрической больнице.

Особенно часто эта мера применяется в отношении еврейских активистов.

Член-корреспондент Академии наук СССР Вениамин Левич заявил протест по поводу того, что у него отключили телефон. Министерство связи в ответ на его протест сообщило, что его домашний телефон не будет подключен согласно статье 74 Устава связи Союза ССР. Эта статья в 1972 году была дополнена нормой следующего содержания: «Запрещается использование телефонной связи (междугородной, городской и сельской) в целях, противоречащих государственным интересам и общественному порядку» (см. «Собрание постановлений правительства СССР», 1971, ст. 83; «Хроника» 27).

■ Редактор выходящего в Самиздате журнала «Вече», Владимир Осипов заявил, что под угрозой ареста по обвинению в антисоветской деятельности он вынужден прекратить выпуск журнала. В своем заявлении Осипов отметил, что не выступает против существующего в Советском Союзе строя.

В 1961 г. Осипов был арестован по обвинению в антисоветской агитации и был приговорен к лишению свободы сроком на 7 лет.

В конце марта стало известно, что редакционная коллегия журнала «Вече» решила продолжать издание журнала, несмотря на намерение главного редактора Владимира Осипова прекратить выпуск журнала.

■ По сообщению «Нью Йорк Таймс» (13 апреля), советские граждане, желающие по своим делам посетить посольство США в Москве, испытывают большие трудности: милиция, охраняющая посольство, часто задерживает посетителей, несмотря на наличие у них официальных приглашений от консульства.

Политзаключенные

■ В феврале психиатрическая комиссия в Орловской специальной психиатрической больнице приняла решение о возможности перевода Владимира Гершуни в психиатрическую больницу общего типа. Окончательное решение по этому вопросу должно быть принято судом.

■ 25 марта экспертная комиссия психиатров приняла решение о возможности прекращения принудительного лечения Юрия Шихановича, арестованного 28 сентября 1972 г. по обвинению в антисоветской агитации и 26 ноября 1973 г. направленного Московским городским судом на принудительное лечение в психиатрическую больницу общего типа в г. Яхроме (недалеко от Москвы).

Вопрос о прекращении принудительного лечения окончательно разрешается судом по представлению больницы, в которой проводится принудительное лечение.

■ Владимир Борисов освобожден из психиатрической больницы общего типа, куда он был помещен после нескольких лет пребывания в Ленинградской специальной психиатрической больнице.

Борисов, член Инициативной группы по защите прав человека в СССР, известен своими протестами (совместно с Файнбергом) против нарушения прав лиц, помещенных в психиатрические больницы по политическим мотивам.

■ Вячеслав Черновол (см. «Хроника защиты» 1) содержится в колонии по адресу: СССР, Мордовская АССР, п/о Сосновка, учр. ЖХ — 385/1-6.

■ Валерий Кукуй и Янкель Ханцис освободились по концу срока. В апреле они выехали в Израиль.

Свобода передвижения

■ Газета «Ленинградская правда» (20 декабря 1973 г.) поместила статью «Люди переднего края», посвященную деятельности КГБ. В этой статье сообщается, в частности, что «только в 1973 г. за попытку провоза антисоветской и другой литературы из Ленинграда выдворено 18 иностранных туристов, нарушивших элементарные нормы гостеприимства, изъято 8 991 экземпляр враждебной литературы» (по-видимому, данные относятся только к Ленинграду).

В этой статье сообщается также, что при попытке перехода границы с целью покинуть СССР были задержаны Толстихин, Кусикьянц и Гардер. Как можно понять, эти путешественники были преданы суду. Об их дальнейшей судьбе не известно.

■ Московский скульптор Эрнст Неизвестный (48 лет) 15 марта заявил иностранным журналистам, что власти систематически отказывают ему в разрешении путешествовать за границу.

■ Сообщают, что церковный писатель Краснов-Левитин получил отказ на свое ходатайство разрешить ему поездку в США по приглашению архиепископа Иоанна Сан-Францисского. Краснов-Левитин направил Н. В. Подгорному протест в связи с этим.

■ Евгению Барабанову отказано в разрешении на поездку за границу.

■ Игорю Абрамовичу («Хроника защиты» 3,7) и его жене Елене Финкельштейн отказано в разрешении покинуть СССР.

■ По сообщению «Нью Йорк Таймс» (26 марта), Элеонора Иечпене, американская гражданка из Литвы, в течение 30-ти лет добивается разрешения выехать из СССР в США.

■ По сообщению «Таймс» (30 марта), члены Британского парламента П. Арчер, Г. Джаннер, П. Кормак, Х. Дайкс получили от советских властей отказ в ответ на ходатайство о визах для посещения СССР. Эти парламентарии — активные члены межпартийного парламентского комитета содействия советским евреям.

■ Галина Габай с двумя детьми покинула СССР.

■ Давид Азбель получил разрешение покинуть СССР.

■ Михаил Панкратов и его жена Елена Семека («Хроника защиты» 4, 5-6) покинули СССР.

■ Бывший политзаключенный Яков Берг-Хаймович («Хроника защиты» 4) покинул СССР.

■ Борис Шрагин и его жена Наталья Садамская в конце марта покинули СССР. Шрагин известен своими выступлениями в конце 60-х годов с призывом к демократизации в СССР и в защиту прав человека.

Выступления в защиту прав в СССР

■ А. Сахаров, Т. Великанова, С. Ковалев, А. Левитин (Краснов), Г. Подъяпольский и Т. Ходорович обратились с письмом к Генеральному секретарю ООН Курту Вальдхайму, поддерживая Обращение крымских татар, адресованное ООН. В этом обращении, подписанном многими крымскими татарами, описываются факты преследований, которым подвергаются крымские татары в связи с их попытками защитить свое право на возвращение в Крым.

■ Стало известно о том, что «Московское обращение» (см. «Хроника защиты» 7) поддержали в СССР: М. Ланда, Е. С. Андропова, Л. Аптекарь, В. Бахмин, Н. Я. Иофе, О. Иофе,

И. Каплун, А. Лавут, А. Левитин (Краснов), Г. Подъяпольский, С. Ходорович.

■ В начале апреля П. Литвинов, И. Пеликан, К. Коутс, К. Фарли и А. Сахаров опубликовали обращение к западной общественности, в котором содержится призыв более активно защищать политзаключенных восточно-европейских стран и СССР.

■ «Нью Йорк таймс» 4 апреля опубликовала письмо группы профессоров Колумбийского университета в защиту Виталия Рубина, известного московского синоведа, которому советские власти длительное время отказывают в разрешении выехать за границу, в частности по приглашению Колумбийского университета.

Социалистические страны

Польша. Епископат польской католической церкви протестовал в связи с помещением священника Петра Забельского в психиатрическую больницу. Сообщают, что, по мнению представителей церкви, священник Забельский здоров и был помещен в психиатрическую больницу в связи с попыткой совершить Рождественское богослужение в своем доме в селе Соболево в связи с тем, что власти не разрешили открыть церковь в этом селе. Забельский был лишен возможности связаться с адвокатом. (По сообщениям в январе).

Венгрия. Кардинал Миндсенти более не является прима-сом Венгерской католической церкви. Об этом сообщено в Ватикане в феврале. Позднее стало известно, что его отставка не была добровольной.

Кардинал Миндсенти, которому ныне 81 год, с 1949 года по 1956 год находился под арестом в Венгрии. Во время Венгерского восстания в 1956 году кардинал был освобожден, а после занятия Будапешта советскими войсками в 1956 году и прихода к власти правительства Кадара кардинал Миндсенти нашел убежище в американском посольстве. Лишь в 1971 году кардинал смог покинуть посольство США и выехать из Венгрии.

Китай. Последние события в Китае создают у западных комментаторов впечатление, что там началась вторая фаза «культурной революции». В январе сообщалось о разоблачении враждебной классовой сущности музыки Бетховена и Шуберта. По сообщениям в феврале, китайская пропаганда начала активную кампанию разоблачения бывшего соратника Мао-дзе-Дуна Линь Бяо и древнекитайского философа Конфуция. Сообщают также о новых, еще больших ограничениях передвижения иностранцев в Китае.

■ По сообщению газеты «Известия» 20 февраля, в 1973 году из Китая в Гонг Конг прибыло более 50000 китайцев. Из Гонг Конга эмигранты направляются в разные страны Азии и Америки. «Известия» сообщает о предположении, что пекинские власти специально организуют выезд китайцев за пределы КНР и расселение их в других странах, «имея в виду, что китайские колонии могут пригодиться в будущем для осуществления курса Пекина в отношении этих стран».

Чехословакия. В апреле чешский литератор Эдуард Гольдштюкер, находившийся в Англии, был лишен чехословацкого гражданства.

■ М. Джиласу и М. Михайлову югославские власти отказали в разрешении выехать за границу.

ДОКУМЕНТЫ

Осуждение за скармливание хлеба скоту

Ниже публикуется извлечение из Определения Верховного Суда РСФСР (перепечатка из «Бюллетеня Верховного Суда РСФСР», № 2, 1974 г.):

Лицо, систематически скармливавшее скоту скупленный в магазине печеный хлеб, обоснованно осуждено по ст. 154¹ УК РСФСР

(И з в л е ч е н и е)

Рассказовским народным судом Тамбовской области Смолянова осуждена по ст. 154¹ УК РСФСР с применением ст. 43 УК РСФСР

к штрафу в сумме 100 руб. и с конфискацией скота — коровы и бычка.*

Судебная коллегия по уголовным делам областного суда приговор оставила без изменения.

Президиум Тамбовского областного суда протест Председателя Верховного Суда РСФСР об исключении из приговора конфискации коровы оставил без удовлетворения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев 16 июля 1973 г. дело по аналогичному протесту Председателя Верховного Суда РСФСР, протест удовлетворила и указала следующее.

Смолянова признана виновной в том, что она в 1971-1972 гг. систематически скупала в магазине № 37 печеный хлеб, который скармливала имевшемуся в личном хозяйстве скоту — корове и бычку.

13 октября 1972 г. в доме Смоляновой было обнаружено 16 буханок хлеба и размоченного в воде 2,5 кг. хлеба.

В суде Смолянова вину признала.

Вина Смоляновой материалами дела доказана. Действия ее квалифицированы правильно и наказание определено в соответствии с содеянным и личностью виновной.

Однако Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР, учитывая престарелый возраст Смоляновой, а также то, что она более 30 лет работала на производстве, членов семьи, которые могли бы оказывать ей материальную помощь, не имеет, сочла возможным исключить из приговора конфискацию коровы, в остальной части приговор суда оставила без изменения.

Дело Фельдмана

Ранее сообщалось, что многие комментаторы высказывали сомнение относительно обоснованности осуждения Фельдмана, обвиненного в хулиганстве. Ниже публикуется приговор по делу Фельдмана и кассационная жалоба его адвоката И. С. Ежова. Стало известно, что кассационная инстанция оставила приговор в силе.

* Статья 154¹ гласит: «Скупка в государственных или кооперативных магазинах печеного хлеба, муки, крупы и других хлебопродуктов для скармливания скоту и птице, а равно скармливание скоту и птице скупленных в магазинах печеного хлеба, муки, крупы и других хлебопродуктов, совершенные после наложения за эти действия штрафа в административном порядке, или систематически, или в крупных размерах — наказываются исправительными работами на срок до одного года или лишением свободы на срок от одного года до трех лет с конфискацией скота или без таковой».

ПРИГОВОР ПО ДЕЛУ ФЕЛЬДМАНА

Народный суд Дарницкого района города Киева в составе Нар. судьи Ермаковой, народных заседателей Луценко и Молибога при секретаре Степанце, прокурора Колюжного, адвоката Ежова, рассмотрев в открытом судебном заседании выездной сессии уголовное дело по обвинению Фельдмана Александра Дмитриевича, рождения 12.3.1947 года, уроженца города Киева, еврея, образование среднее, беспартийный, холостой, прежде не судим.

В преступлении, предусмотренном статьей 206, ч. 2, УК УССР, суд установил:

Подсудимый Фельдман 18.10.73 г. в 21 час на улице Энтузиастов учинил хулиганские действия, отличающиеся особой дерзостью. Следуя по улице Энтузиастов, Фельдман без причины, из хулиганских побуждений, ударил портфелем по руке гражданку Телюкову, в результате чего причинил ей легкие телесные повреждения, без расстройства здоровья, выбил из рук торт, который она несла, испачкал белый плащ, оскорбив при этом нецензурной бранью.

Прибежавшие на крик Телюковой граждане Приходько и Колода пытались пресечь хулиганские действия. Однако Фельдман оказал им сопротивление, продолжая хулиганские действия. Он нанес удар кулаком в лицо гражданину Приходько, из-за чего последний упал, разбил очки, разорвал свитер. Фельдман оскорбил его нецензурными словами. Он также оказал сопротивление гражданину Колоде, пресекавшему хулиганские действия, оборвал пуговицы на его рубашке, разорвал майку, оскорбил его нецензурными словами.

С помощью граждан Фельдман был задержан, доставлен в милицию.

На прошлом судебном заседании подсудимый Фельдман виновным себя не признал, от дачи показаний отказался, объяснил, что никаких хулиганских действий не учинял.

Суд, проверив материал предварительного следствия, считает, что предъявленные обвинения подсудимому Фельдману по части второй статьи 206-ой УК УССР полностью подтверждаются показаниями потерпевшей Телюковой. Приходько, Колодой, свидетелями, материалами дела.

Потерпевшая Телюкова показала, что 18.10.73 года она купила торт «Пражский» и должна была встретиться с молодым человеком. На улице Энтузиастов навстречу ей шел молодой человек, который умышленно ударил ее портфелем по рукам, и торт полетел ей в лицо, измазав ей белый плащ. Она возмутилась, испугалась и стала звать на помощь. Фельдман в это время схватил ее за руки и стал оскорблять нецензурными словами. На ее крик прибежал молодой человек. Фельдман ударил его кулаком в лицо, разбил ему очки, разорвал свитер и сквернословил.

Подошел второй парень и стал пытаться предотвратить хулиганские действия Фельдмана. В это время к ним подошли еще

люди. Один из них назвался сотрудником милиции и спросил, что произошло.

Прибыв со всеми в отделение милиции. Телюкова узнала, что человек, который учинил хулиганство, называется Фельдманом.

Свидетель Приходько показал, что он находился в районе Русановки, на одной из улиц услышал крик женщины. Когда он подбежал, то увидел, что мужчина держит женщину, одетую в белый плащ. Не успев ничего спросить, как этот мужчина нанес ему удар кулаком в лицо. От удара он упал на асфальт, его очки слетели, затем Фельдман разорвал ему свитер. За это время гражданин Колода схватил его руку с целью остановить. Но Фельдман сопротивлялся и выражался нецензурными словами. Они его оба держали, а женщина звала на помощь. На крик сбежались люди, и он узнал со слов женщины, что Фельдман выбил из ее рук торт и измазал плащ.

Приходько увидел, что на земле валяются куски торта, а плащ женщины был измазан.

Среди людей, которые пришли на помощь, был работник милиции, который попросил приехать в райотдел милиции. В милиции он назвал фамилию потерпевшей женщины и фамилию мужчины, который хулиганил. При этом Колода показал, что он вместе с Приходько был в районе Русановки, на одной из улиц и услышали крик женщины.

Когда подошли с целью помочь, он увидел, что мужчина держит женщину за руки. Не успел Приходько сказать пару слов, как мужчина нанес ему удар в лицо, разбил ему очки, разорвал свитер и сквернословил. С целью пресечь хулиганские выходки, Колода пытался взять за руки Фельдмана, однако последний порвал на нем майку, оборвал пуговицы и ругался нецензурными словами.

Свидетель Хряпа показал, что 18.10.73 г. он возвращался домой с работы на автомашине в районе семнадцатипятиэтажного дома на улице Энтузиастов. Он услышал крик женщины. Водитель остановил машину, и он бросился на крик. Он увидел девушку в белом плаще, испачканном тортом, и двух парней, которые держали третьего молодого человека. У одного из парней было окровавлено лицо и разорван свитер, у другого оборваны пуговицы на красной рубашке.

Аналогичные показания дал свидетель Жалобовский. (Жалобовский — это шофер машины, на которой ехал Хряпа). Кроме того, вина подсудимого подтверждается протоколами изъятия и осмотром плаща и рубашки.

Заключение судебно-медицинской экспертизы: от 19.10.1973 года: Телюковой нанесены телесные повреждения без расстройства здоровья. По заключению судебно-медицинской экспертизы 18.10 Приходько причинены легкие телесные повреждения, тоже без расстройства здоровья.

Преступные действия подсудимого Фельдмана правильно ква-

лифицированы по части второй статьи 206, т.к. он учинил хулиганские действия, отличающиеся особой дерзостью. Фельдман грубо нарушил общественный порядок, проявил неуважение к обществу. Оказал сопротивление гражданам, пресекавшим хулиганские действия, причинив из хулиганских побуждений телесные повреждения двум гражданам.

Обсуждая вопрос о мере наказания и учитывая тяжесть и общественную опасность совершенного преступления, а также учитывая первую судимость и руководствуясь статьями 323 и 324 УПК УССР суд приговорил:

Фельдмана Александра Дмитриевича по части 202 статьи УК УССР подвергнуть лишению свободы в трудовой колонии сроком на три года и шесть месяцев усиленного режима.

Меру пресечения Фельдману оставить прежнюю с содержанием в следственном изоляторе № 1 УВД Киевской области до вступления приговора в законную силу.

Срок наказания считать с 21.10.1973 года. Приговор может быть обжалован в Киевский Областной суд в течение 7-ми суток со дня вручения копии приговора.

17-20 марта 1974 г.

(подписи)

В Киевский Областной Суд от адвоката юрконсультации № 1 Ленинского района города Киева
ЕЖОВА И. С. по делу Фельдмана Александра Дмитриевича, осужденного 23 ноября 1973 года народным судом Дарницкого района по ст. 206 ч. 11 УК УССР к 3 годам и 6 месяцам лишения свободы в ИТК усиленного режима.

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА

Приговором ФЕЛЬДМАН признан виновным в том, что вечером 18 октября 1973 года, встретившись на улице с прохожей гражданкой Теляковой Валентиной, беспричинно ударил ее портфелем, выбил из рук торт, причинил легкие телесные повреждения без расстройства здоровья, оскорбил нецензурным словом и испачкал плащ.

Гражданам Приходько Сергею и Колоде Алексею, подбежавшим к ней на помощь, оказал сопротивление, первого из них ударил рукой в лицо с причинением легкого телесного повреждения без расстройства здоровья, повредил ему свитер и очки, а второму оторвал на рубашке пуговицы и разорвал майку, оскорбив обоих нецензурными словами.

Приговор нахожу неправильным и подлежащим отмене по следующим основаниям:

В нарушение требований ст. 22 УПК УССР судебное следствие производилось исключительно односторонне, поверхностно и необъективно.

В судебном заседании были допрошены только те лица, которые подтверждали версию, изложенную в обвинительном заключении. Только версию обвинения.

Объяснения подсудимого Фельдмана, его доводы о невиновности, а также показания свидетелей Берзона, Фридмана и Цацкиса, допрошенных на предварительном следствии, остались не проверенными, хотя их показания имели важное значение для решения вопроса о виновности или невиновности Фальдмана (л. д. 66, 68 и 71-72).

Грубо нарушив право подсудимого Фельдмана на защиту, суд необоснованно отклонил все его ходатайства и ходатайства защитника, заявленные в судебном заседании.

Отклонено ходатайство о вызове и допросе указанных выше трех свидетелей по обстоятельствам, имеющим значение защиты подсудимого Фельдмана.

Отклонено также ходатайство Фельдмана возвратить ему записи, которые он вел при изучении материалов дела во время выполнения требований ст. 218 УПК УССР, дающей право делать выписки из материалов дела. Эти выписки у него незаконно были отобраны в следственном изоляторе и не возвращены для пользования в судебном заседании.

Судебное заседание хотя и было открытым и на процессе присутствовало большое количество граждан, однако суд не допустил в зал судебного заседания ни одного из родственников подсудимого Фельдмана, в том числе его пожилого отца и родных братьев, один из которых был допрошен на предварительном следствии в качестве свидетеля (л. д. 57). Все они не были допущены в зал судебного заседания, несмотря на их просьбы и ходатайство подсудимого, которое также было отклонено судом без видимых причин и с явным нарушением ст. 20 УПК УССР, предусматривающей обеспечение гласности судебного разбирательства.

Фельдман, ущемленный в праве на защиту, оказался неправильно осужденным на основании таких данных, которые нуждаются в тщательной проверке, глубоком и всестороннем исследовании.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Фельдман, отрицая обвинение, категорически утверждал, что настоящее дело возбуждено против него на основании ложных показаний неизвестных ему Теляковой и находившихся с ней Приходько и Колоды, названных потерпевшими.

В связи с этим на предварительном следствии он не давал никаких показаний, протестуя против необоснованного ареста и обвинения в хулиганстве.

В судебном заседании, ввиду того, что суд отклонил его ходатайство о возврате записей, незаконно отобранных в изоляторе, которые нужны были ему для дачи защитительных объяснений, а

также потому, что отцу и родственникам не дали возможности присутствовать в зале суда, он отказался давать показания.

Затем в ответах на вопросы и в последнем слове объяснил, что со своими товарищами Цацкисом, Фридманом и Берзоном находился в городе, а вечером с Цацкисом и Берзоном уехал домой на Русановку и там около гастронома «Русановский», вблизи своего дома на улице Энтузиастов, расстался с ними и направился домой.

Как только стал подходить к парадному своего дома, из кустарника неожиданно вышла Телякова, наклонилась или споткнулась, уронив на асфальт коробку.

Фельдман, не дойдя до парадного метров 5-6, услышал, как Телякова закричала «стой» и еще что-то.

В этот момент вдруг подбежали двое, схватили его за руку, а вслед за этим подбежал третий, также в гражданской одежде, и назвался работником милиции, который, предложив всем следовать в отделение милиции, посадил их в автомашину. В тот же вечер 18 октября все они были поспешно допрошены с проведением очной ставки Теляковой с Фельдманом (л.д. 4, 15-16, 17, 22-23, 28-29). Тогда же были допрошены зам. начальника уголовного розыска Хряпа с шофером Жолбовским, доставившие в отделение милиции на автомашине задержанного Фельдмана и остальных, назвавшихся потерпевшими (л.д. 32 и 33).

На основании сомнительных показаний этих лиц, Фельдман 21 октября 1973 года постановлением следователя об избрании меры пресечения был заключен под стражу по такому надуманному мотиву: «Фельдман нигде не работает, совершил тяжкое преступление и, находясь на свободе, может скрыться от следствия и суда» (л.д. 48).

Но было известно, что Фельдман в это время работал кочегаром в ЖКК* «Киевгорстрой-4», имеет постоянное место жительства и родителей, не было оснований подозревать в бегстве куда-либо.

В судебном заседании Фельдман объяснил, что никого не бил, руками не трогал, не ругался, не оскорблял и нецензурных слов не высказывал, настоятельно просил вызвать в суд своих товарищей, с которыми расстался за несколько минут до неожиданного задержания у своего дома. Пьяным не был, пояснил, что вообще не употребляет спиртных напитков. Мирно, не проявляя каких-либо признаков хулиганства, шел к себе домой, что находит свое подтверждение в показаниях его товарищей, допрошенных на предварительном следствии, но не вызванных в суд.

Объяснения Фельдмана не лишены оснований, а показания его противников вызывают сомнение в правдивости.

Так, Телякова Валентина показала, что 18 октября 1973 г. она целый день находилась в городе, посещая магазины. В Дарницком

* Жилищно-коммунальная контора.

универмаге случайно встретила с парнем по имени Славик, с которым месяца два назад познакомилась на пляже. Фамилию этого Славика, адрес его квартиры или место работы не знает. Неправдоподобно объяснила, что купила вечером торт, который несла Славику на место условленного с ним свидания, оказавшегося вблизи от дома Фельдмана.

Купила этот торт в гастрономе «Славутич», расположенном на значительном расстоянии от почтового отделения. Торт при покупке в магазине почему-то не был надлежаще упакованным, не перевязан шпагатом по установленным правилам торговли.

Объяснила в суде, что спешила на свидание, назначенное будто бы на 9 часов вечера, хотя на предварительном следствии показывала, что время этого свидания не было точно определено (л.д. 15).

Несла она торт Славику в неупакованной коробке на ладонях, приподняв руки, и в таком весьма неудобном положении шла по бульвару Давыдова, а затем почему-то по проходным дворам, хотя улица Энтузиастов освещена и кратчайшим путем ведет от гастронома «Славутич» к нужной ей почте. Незачем было удлинять путь задворками, если действительно спешила на свидание, а не придумала его. О своем пути дословно показала так: «За высоким зданием я прошла дальше и уткнулась в забор, обсаженный колючками дикой малины» (л.д. 15-об).

В акте судебно-медицинской экспертизы записано: «На тыльной поверхности 3 пальца правой кисти ссадина под нежной светлорозовой корочкой 0,5 x 0,4 см. Мягкие ткани 5 пальца правой кисти слегка отечные. Других повреждений не имеется» (л.д. 45).

Такие повреждения на двух пальцах вполне могли появиться от того, что «уткнулась в забор» и попала в колючую растительность, а не от удара мягким портфелем, которым, по ее утверждению, ударил Фельдман по обеим рукам снизу.

Личность Теляковой Валентины в достаточной степени в судебном заседании не выяснена. Необходимо было установить, является ли она замужней и могла ли в таком случае, отсутствуя целый день дома, уйти ночью на свидание к какому-то мифическому Славику, личность которого также не установлена.

Все попытки выяснить личность потерпевшей Теляковой в судебном заседании пресекались, поставленные защитником вопросы председательствующая снимала как не относящиеся к делу.

Телякова показала в судебном заседании, что 18 октября 1973 года был выходной день и она с утра до вечера посещала магазины, тогда как по календарю этот день был рабочим (четверг). Если она, возможно, имела отгул, то следовало это обстоятельство проверить. На предварительном следствии показывала, что работала в детском саду, а в судебном заседании на поставленный вопрос ответила, что там не работает.

Потерпевший Колода также дал противоречивые и весьма неправдоподобные показания.

В своем объяснении в отделении милиции вечером 18 октября он ничего не написал о том, что Фельдман ударил его друга Приходько Сергея (л.д. 4), но на следующий день на очной ставке с Фельдманом стал утверждать, что кулаком в лицо ударил, а ему разорвал майку (л.д. 31).

Не мог он разорвать майку, если Колода 18 октября по-осеннему был одет, а на одежде не было никаких повреждений.

В деле имеется протокол, составленный следователем, в котором записано: «Колода принес майку 25 октября и объяснил, что ее порвал Фельдман... Поскольку 18 октября майка была грязная, то он ее постирал и теперь доставил чистой» (л.д. 60).

Какую майку спустя неделю принес Колода, судить трудно, но в судебном заседании на поставленный вопрос ответил, что вообще ее не сдавал и она находится у него. Он вытащил из кармана своего пальто какую-то майку и отдал суду для обозрения. Таково одно из вещественных доказательств, на которые суд сослался в приговоре.

Вызывают глубокое сомнение и показания свидетеля Хряпы, который, как он показал, проезжая на автомашине ГАЗ-69 к себе домой по улице, услышал крик женщины, остановил машину и нашел место происшествия за высотными домами, отделяющими шумную улицу. Почему-то случилось так, что никто из прохожих или жителей дома, у которого возник крик женщины, не пришел на помощь, но два студента юридического факультета Приходько и Колода, а вслед за ними работник уголовного розыска Хряпа внезапно появились там.

Трудно без тщательного исследования судить, почему Приходько и Колода появились вместе с Теляковой около дома Фельдмана в то время, когда он подходил к парадному, следуя к себе домой. Какие у них были взаимоотношения с Теляковой и какие намерения появились у них в отношении Фельдмана, судить трудно, вопросы эти остались неисследованными. Возможно, что они следили за ним, как об этом показали подсудимый Фельдман, а также свидетели Цацкис, Берзон и Фридман на предварительном следствии, но суд не вызвал этих свидетелей в судебное заседание, не проверил их показаний и потому не дал им оценки в совокупности со всеми доказательствами по делу, хотя на этом настаивали подсудимый и его защитник.

Односторонний, обвинительный уклон в расследовании по настоящему делу проявлен и в том, что следователь приобщил к делу отрицательную характеристику на Фельдмана за период его сезонной работы кочегаром в ЖКК Треста «Киевгорстрой-4» (л.д. 56), тогда как по показаниям начальника ЖКК Алексеевой эта характеристика не соответствует действительности. Алексеева показала: «По работе в сезон 1972-1973 годов к Фельдману претензий мы предъявить не можем. Прогулов не допускал, а 19 октября 1973 года не явился на смену» (л.д. 54).

Не вышел на смену потому, что был задержан и допрашивался в качестве подозреваемого. Не проверены и характеристики о его работе на молокозаводе и хлебкомбинате (л.д. 63 и 79).

Итак, ввиду нарушения органами следствия и судом требований ст. 22 УПК УССР, обязывающей принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования дела, а также допущенного ущемления права на защиту осужденного Фельдмана, обвинительный приговор не может быть оставлен в силе.

Необходимо тщательно проверить объяснение обвиняемого Фельдмана и показания потерпевших, которые должны быть подкреплены другими доказательствами. В связи с этим, в частности, следует установить личность по имени Славик и выяснить, назначал ли он свидание с Теляковой на 21 час 18 октября 1973 года у почты вблизи от квартиры Фельдмана. Просил ли он принести ему торт, который, по утверждению Теляковой, выбил у нее из рук Фельдман.

Тщательно проверить путем допроса жителей ближайших от места события квартир, около которых кричала Телякова, взывая о помощи. Какой именно крик они слышали.

Экспериментально проверить, мог ли свидетель Хряпа из своей автомашины, следовавший по шумной улице, отделенной от места события рядом высотных домов, услышать крик Теляковой.

На основании всех собранных доказательств и их совокупности с учетом допрошенных на предварительном следствии свидетелей Цацкиса, Фридмана и Берзона решить вопрос о предании суду обвиняемого Фельдмана.

По изложенным мотивам и в соответствии со ст. ст. 348 и 367 УПК УССР,

П Р О Ш У :

Приговор в отношении Фельдмана Александра Дмитриевича отменить [и передать дело на повторное рассмотрение] со стадии предварительного следствия.

26 ноября 1973 г.

Адвокат: (Подпись)

Примечание издательства: разночтение в фамилиях участников эпизода соответствует тексту полученных копий.

PERSONALIA

Владимир Буковский

Владимир Константинович Буковский (р. 1942 г.) был арестован три года тому назад, 29 марта 1971 г., по обвинению в антисоветской агитации и приговорен Московским городским судом (5 янв. 1972 г.) к семи годам лишения

свободы (с отбыванием первых двух лет заключения в тюрьме) и пяти годам ссылки.

Буковский подвергался преследованиям с начала 60-х годов. В 1963 году Буковский был арестован по обвинению в антисоветской агитации — ему инкриминировалось, в частности, распространение книги Джиласа «Новый класс». По решению суда Буковский был помещен в Ленинградскую специальную психиатрическую больницу, откуда был освобожден в феврале 1965 г. В декабре 1965 г. Буковский был задержан на улице и заключен без суда в психиатрическую больницу; лишь летом 1966 г. он был освобожден.

22 января 1967 г. Буковский принял участие в демонстрации на площади Пушкина в Москве. Демонстранты протестовали против ареста Галанскова, Лашковой и др. и требовали пересмотра норм законодательства, ограничивающих свободу слова. Буковский был арестован и приговорен за участие в этой демонстрации и трем годам лишения свободы.

Выступая на суде в 1967 году Буковский сказал о свободе слова: «Свобода слова и печати есть в первую очередь свобода критики. Хвалить правительство и так никто и никогда не запрещал. Если внесены в Конституцию статьи о свободе слова и печати, то имейте терпение выслушивать критику».

В январе 1970 года Буковский освободился из заключения и продолжил свою деятельность в защиту прав человека в СССР. Наибольшую известность получили его выступления по проблеме использования психиатрических репрессий в политических целях. В частности, он обратился к западным психиатрам с открытым письмом, к которому были приложены копии экспертных заключений по делам нескольких известных деятелей советского движения в защиту прав человека:*

В последние годы в нашей стране вынесено несколько судебных решений о помещении в психиатрические лечебницы (в том числе и специального типа) людей, которые по мнению их родственников и близких друзей являются психически здоровыми. Это Гри-

* Тексты этих экспертных заключений опубликованы: *Abuse of Psychiatry for Political Repression in the Soviet Union*, U.S. Government Printing Office, Washington, 1972.

горенко, Рипс, Горбаневская, Новодворская, Яхимович, Гершуни, Файнберг, Кузнецов Виктор, Иофе, Борисов В., и др. люди, известные своими выступлениями в защиту гражданских прав в СССР.

Такое явление вызывает обоснованную тревогу, особенно в связи с нашумевшим помещением в психиатрическую больницу внесудебным порядком биолога Жореса Медведева.

Заключения судебных экспертов-психиатров, положенные в основу судебных решений, по своему содержанию вызывают ряд сомнений. Однако только специалисты-психиатры могут высказать авторитетное мнение о степени обоснованности этих заключений.

Пользуясь тем, что мне удалось получить точные копии заключений судебно-психиатрических экспертиз в отношении Григоренко, Файнберга, Горбаневской, Борисова, Яхимовича и выдержки из заключения в отношении Кузнецова В. — я направляю Вам эти документы, а также некоторые письма и материалы, характеризующие этих людей.

Буду Вам очень благодарен, если Вы заинтересуетесь этим вопросом и выскажете свое мнение.

Я понимаю, что заочно и не располагая необходимыми клиническими данными очень трудно решить вопрос о психическом состоянии человека и определить диагноз заболевания либо утверждать отсутствие всякого заболевания.

Поэтому я прошу Вас высказать ваше мнение лишь по такому вопросу: содержат ли в себе указанные заключения достаточные, научно обоснованные данные не только для вывода о психических заболеваниях, указанных в этих заключениях, но и для вывода о необходимости строгой изоляции этих людей от общества.

Я буду очень рад, если Вы сможете заинтересовать этим вопросом Ваших коллег и сочтете возможным поставить его на обсуждение предстоящего Международного Конгресса Психиатров.

Нет для здорового человека страшнее судьбы, чем бессрочное пребывание в психиатрической больнице.

Я верю, что Вы не останетесь равнодушны к этой проблеме и уделите ей часть своего времени — так же, как ученые-физики находят время для борьбы против использования достижений своей науки во вред человечеству.

Заранее благодарю Вас.

В. Буковский

28 января 1971 г.

Вскоре после опубликования этого письма Буковский был арестован и приговорен к максимальному наказанию по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация).

Ниже публикуется Последнее слово Буковского на суде 5 января 1972 г.

Граждане судьи!

Я не буду касаться юридической стороны обвинения, потому что и в зале суда уже доказал полностью его несостоятельность. Адвокат в своей речи также доказал полную несостоятельность обвинения, и я согласен с ним по всем пунктам защиты.

Скажу другое: расправа надо мной готовилась уже давно, и я об этом знал. 9 июня меня вызвал прокурор Ванькович и угрожал расправой; потом появилась статья в газете «Правда» под заголовком «Нищета антикоммунизма», которую почти целиком процитировал в своей речи прокурор. Статья содержала в себе обвинение, что я за мелкие подачки продаю в подворотнях иностранным корреспондентам клеветническую информацию.

И наконец, в журнале «Политическое самообразование» № 2 за 1971 г. была помещена статья зам. председателя КГБ С. Цзигуна, в которой также говорилось, что я занимаюсь антисоветской деятельностью. И совершенно понятно, что маленький следователь, проводя следствие по моему делу, не мог пойти против своего начальника и вынужден был во что бы то ни стало попытаться доказать мою вину.

Перед арестом за мной была установлена постоянная слежка. Меня преследовали, мне грозили убийством, а один из тех, кто за мной следил, распоясался настолько, что угрожал мне своим служебным оружием. Уже будучи под следствием, я заявил ходатайство о том, чтобы против этих лиц было возбуждено уголовное дело. Я даже указал номер служебной машины, на которой эти люди ездили за мной, и привел другие факты, которые давали полную возможность для их розыска. Однако на это ходатайство я не получил ответа от тех инстанций, куда его направлял. Зато от следователя был получен ответ весьма красноречивый: «Поведение Буковского на следствии дает основание для обследования его психического состояния».

Следствие велось с бесчисленными процессуальными нарушениями. Можно сказать, что не осталось ни одной статьи в УПК, которая не была бы нарушена. Следствие пошло даже на такую позорную меру, как помещение со мной в тюрьме камерного агента, некоего Трофимова, который сам признался мне, что ему было поручено вести со мной провокационные антисоветские разговоры с целью спровоцировать меня на аналогичные высказывания, за что ему было обещано досрочное освобождение. Как видите, то, что мне инкриминируется как преступление, некоторым людям разрешается, если этого требуют «интересы дела».

Я посылал об этом жалобы в различные инстанции и требовал сейчас, на суде, приобщить их к делу, но суд «постеснялся» это сделать.

Что касается следователя, то он, вместо того, чтобы рассмотреть эту жалобу и дать мне ответ, направил меня на стационарное ме-

дицинское обследование в институт судебной психиатрии им. Сербского.

Следственному отделу УКГБ очень хотелось, чтобы я был признан невменяемым. Как удобно! Ведь дела за мной нет, обвинение строить не на чем, а тут не надо доказывать факта совершения преступления, просто человек больной, сумасшедший...

И так бы оно все и произошло. И не было бы сейчас этого судебного разбирательства, и не было бы моего последнего слова: меня осудили бы заочно, в мое отсутствие... если бы не оказало влияние интенсивное вмешательство общественности. Ведь после первого срока экспертизы — в середине сентября — врачебная комиссия обнаружила у меня зловещую неясность клинической картины, и по вопросам врачей, обращавшихся ко мне после этого, я понял, что меня собираются признать невменяемым. И только 5 ноября, после давления, оказанного общественностью, новая медицинская комиссия признала меня здоровым. Вот вам достоверное доказательство моих утверждений (которые здесь, в суде, называют клеветническими), как по указанию КГБ чинятся психиатрические расправы над инакомыслящими.

У меня есть и другое доказательство этого. В 1966 году меня восемь месяцев, без суда и следствия и вопреки медицинским показаниям о моем психическом здоровье, держали в психиатрических больницах, переводя по мере выписки врачами из одной больницы в другую.

Итак, 5 ноября я был признан вменяемым, и меня вновь водворили в тюрьму, и процессуальные нарушения продолжались. Грубо было нарушено окончание следствия с выполнением 201 статьи УПК РСФСР. Я требовал, чтобы мне был предоставлен избранный мною адвокат. Но следователь мне в этом отказал и подписал 201 статью один, да еще написал при этом, что я отказался ознакомиться с делом.

В соответствии со своим правом на защиту, предусмотренным ст. 40 УПК РСФСР, я потребовал пригласить для своей защиты в суде адвоката Каминскую Дину Исаковну.

С этой просьбой я обратился к председателю Президиума Московской коллегии адвокатов и получил его отказ с резолюцией: «Адвокат Каминская не может быть выделена для защиты, так как она не имеет допуска к секретному делопроизводству». Спрашивается, о каком секретном делопроизводстве может идти речь, когда меня судят за антисоветскую агитацию и пропаганду? И вообще, где, в каких советских законах упоминается об этом пресловутом «допуске»? Нигде.

Итак, адвокат мне предоставлен не был. Более того, вышеупомянутый ответ из коллегии адвокатов, с которым я был ознакомлен и на котором имеется моя подпись, был из дела изъят и возвращен в коллегию адвокатов, о чем в деле имеется справка. Взамен его было вложен другой, вполне невинный ответ председа-

теля коллегии, с которым я ознакомлен не был. Как это можно расценивать? Только как служебный подлог.

Потребовалась моя 12-дневная голодовка, жалоба Генеральному Прокурору СССР, в Министерство юстиции СССР и в ЦК КПСС, а также новое активное вмешательство общественности, чтобы мое законное право на защиту было, наконец, осуществлено и мне был предоставлен приглашенный моей матерью адвокат Швейский.

Сегодняшнее судебное разбирательство велось также с многочисленными процессуальными нарушениями. Обвинительное заключение, в котором 33 раза употребляется слово «клеветнический» и 18 раз слово «антисоветский», не содержит в себе конкретных указаний на то, какие же именно факты и какие именно материалы из изъятых у меня при обыске и якобы распространенных мною, являются антисоветскими.

Из девяти ходатайств, заявленных мною в начале судебного разбирательства и поддержанных моим адвокатом, восемь было отклонено. Никто из заявленных мною свидетелей, которые могли бы опровергнуть различные пункты обвинения, судом вызван не был.

Мне инкриминирована, в частности, передача антисоветских материалов приезжавшему в Москву фламандцу — Гуго Себрехтсу. Эти материалы, якобы, передавались ему мною в присутствии Вольпина и Чалидзе. Однако мое требование о вызове этих двух людей в качестве свидетелей не было удовлетворено. В суд не был вызван, далее, ни один человек из восьми вызванных мною, которые могли подтвердить истинность моих утверждений относительно фактов помещения и условий содержания людей в специальных психиатрических больницах. Суд отклонил мое ходатайство о вызове этих свидетелей, мотивировав тем, что они душевнобольные и не могут давать показаний. Между тем, среди этих людей есть двое — З. М. Григоренко и А. А. Файнберг, которые никогда не помещались в спецпсихбольницы, а бывали в этих больницах только в качестве родственников и могли бы подтвердить мои показания об условиях содержания в этих больницах.

В суд были приглашены только те свидетели, которых представило обвинение. Но что же это были за свидетели? Так, ко мне подсымался перед моим арестом, по всей вероятности сотрудниками КГБ, военнотружущий войск госбезопасности, ныне работающий в отделе таможенного досмотра на Шереметьевском аэродроме, мой бывший школьный товарищ, некий Никитинский, которому было поручено спровоцировать меня на преступление — организацию вывоза из-за границы оборудования для подпольной типографии. Но незадачливому провокатору осуществить это не удалось. Тогда следствие, а затем и суд попытались сделать его свидетелем по этому пункту обвинения. Мы видели здесь, что Никитинский не справился и с этой задачей.

Для чего же потребовались все эти провокации и грубые процессуальные нарушения, этот поток клеветы и ложных бездоказательных обвинений? Для чего понадобился этот суд? Только для того, чтобы наказать одного человека?

Нет, тут «принцип», своего рода «философия». За предъявленным обвинением стоит другое, непредъявленное. Осуждая меня, власти преследуют здесь цель скрыть собственные преступления, психиатрические расправы над инакомыслящими.

Расправой надо мной они хотят запугать тех, кто пытается рассказать об их преступлениях всему миру. Не хотят «выносить сор из избы», чтобы выглядеть на мировой арене такими безупречными защитниками угнетенных!

Наше общество еще больно. Оно больно страхом, пришедшим к нам со времен сталинщины. Но процесс духовного прозрения общества уже начался, остановить его невозможно. Общество уже понимает, что преступник не тот, кто выносит сор из избы, а тот, кто в избе сорит. И сколько бы мне ни пришлось пробыть в заключении, я никогда не откажусь от своих убеждений и буду высказывать их, пользуясь правом, предоставленным мне ст. 125 советской Конституции, всем, кто захочет меня слушать. Буду бороться за законность и справедливость.

И сожалею я только о том, что за этот короткий срок — 1 год 2 месяца и 3 дня, — которые я пробыл на свободе, я успел сделать для этого слишком мало.

БИБЛИОГРАФИЯ

■ Н. С. Хрущев, *Khrushchev Remembers: The Last Testament*, изд. Little, Brown, Бостон, 1974 г.

■ «Сахаров о себе», Предисловие к сборнику: *Sakharov Speaks*, изд. А. Кноpf, Нью-Йорк, 1974 г.

■ А. Солженицын. «Письмо вождям Советского Союза», YMCA Press, Париж, 1974 г.

■ А. Сахаров. «О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза», изд. «Хроника», Нью-Йорк, 1974 г.

■ На Западе стал известен текст мемуаров советского политзаключенного Данилы Шумука, который провел в заключении десять лет с 1945 года, а в 1958 года был снова осуж-

ден на 10 лет («Хроника» 25). В январе 1972 года он был вновь арестован и осужден, в частности за свои мемуары, к лишению свободы сроком на 10 лет с последующим отбыванием ссылки в течение 5-ти лет (см. «Хроника» 28).

■ В Москве в Самиздате с 1972 года издается сборник «Евреи в СССР». По последним сообщениям, уже издано шесть выпусков этого сборника. Постоянным составителем сборника является А. Воронель — московский физик, который в течение длительного времени домогается разрешения на выезд в Израиль.

Среди материалов, публикуемых в сборнике, — статьи по проблеме прав человека:

В. Яхот. «О критериях опубликования законодательных актов» (вып. 1);

А. Твердохлебов. «Заметки о законодательстве в области усиления борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный, паразитический образ жизни» (вып. 2);

«Условия подачи жалоб на дискриминацию в подкомиссию ООН», без подписи, (вып. 3);

Говард Девид Колеман. «Проблема антисемитизма и Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации» (вып. 4);

«Использование Пакта о гражданских правах», без подписи, (вып. 5).

Поступления Самиздата

Агурский М. С. «Обращение к американской интеллигенции», 30 янв. 1974 г.

Агурский М. С. Открытое письмо академику Б. Н. Петрову, 29 авг. 1973 г.

Агурский М. С. Заявление в поддержку Е. Барабанова, 21 сент. 1973 г.

Агурский М. С. «Экономическая система Востока и Запада», 4 дек. 1973 г.

Барабанов Е. «Путь совести» (открытое письмо в защиту книги Солженицына «Архипелаг ГУЛаг»), 28 янв. 1974 г.

Богатырев К. Письмо в секретариат Московского отделения Союза писателей (об исключении из Союза писателей В. Войновича), 20 февр. 1974 г.

Буковская Н. И. Телеграмма Н. В. Подгорному в защиту В. К. Буковского, 9 марта.

Войнович В. Заявление секретариату Московского отделения Союза писателей, 19 февр. 1974 г.

Иванов Ю. Е. Письмо о пребывании в третьей психиатрической больнице г. Ленинграда им. Скворцова-Степанова, 4 янв. 1974 г.

Копелев Л. З. Заявление в защиту Солженицына, 13 февр. 1974 г.

Корнилов В. Письмо членам секретариата Московского отделения Союза писателей (об исключении В. Войновича), 21 февр. 1974 г.

Кузенков А. А. Жалоба генеральному прокурору СССР, 2 марта 1974 г. — см. «Хроника защиты» 8.

М. Ланда, заявление о присоединении к «Московскому обращению», 14 февр.

Литвинов П. Жалоба прокурору г. Москвы о процессуальных нарушениях во время обыска на квартире Панкратова, 21 нояб. 1973 г. — см. «Хроника защиты» 4.

Марамзин В. Открытое письмо (о произведенном у него обыске), 3 апр. 1974 г. — см. «Хроника защиты» 8.

Марченко А. «Заявление для печати» (об обыске и допросе в КГБ), г. Таруса, 9 янв. 1974 г. — опубл. «Хроника защиты» 8.

Матвеев Я. «Что же дальше? Реквием 1968-ому», 1973 г.

Медведев Р. А. Заявление в связи с арестом Солженицына — 12 февр. 1974 г.

Медведев Р. А. «О книге Солженицына «Архипелаг ГУЛаг», 27 янв. 1974 г. — см. «Хроника защиты» 7.

Медведев Р. «Еще раз о демократизации и разрядке», 15 апр.

Нарица М. А. «Мое завещание», 2 окт. 1973 г.

Некрасов В. «Кому это нужно?», 5 марта 1974 г. — см. «Хроника защиты» 8.

Приворотский И. Заявление в связи с высылкой Солженицына из СССР, 14 февр. 1974 г.

Регельсон Л., «Обращение к советской и зарубежной общественности» (об осуждении парапсихолога Наумова), 30 марта.

Сахаров А. Д. Письмо Президенту Индонезии, 4 апр. 1974 г.

Сахаров А. Д. Открытое письмо академику Энгельгарду, 29 марта 1974 г.

Сахаров А. Д. Заявление «О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза», 3 апр. 1974 г.

Сахаров А. Д. Интервью газете «Санди таймз» (о высылке Солженицына), 20 февр. 1974 г.

Сверстюк Е. А. Последнее слово на суде, 1973 г.

Солженицына (Светлова) Н., Заявление, сделанное перед отъездом из СССР, 27 марта.

Техлу Сарие. Заявление Генеральному секретарю ООН, (о положении крымских татар), конец 1972 г.

Твердохлебов А. Н. Заявление Подгорному о помиловании Суперфина, 17 марта 1974 г.

Чобанов М. А., заявление Генеральному секретарю ООН (о положении крымских татар), конец 1973 г.

Шрагин Б. «Совестно...» (заявление в защиту книги Солженицына «Архипелаг ГУЛаг»), 3 февр. 1974 г.

Коллективные произведения. Азбель Д., Нудель И. Заявление об окончании голодовки, 2 марта 1974 г.

Великанова Т., Ковалев С., Ходорович Т., Борисов В. (Вадим). Заявление в поддержку «Московского обращения», 17 февр. 1974 г.

Ковалев С., Ходорович Т., сообщение о том, кто присоединился к «Московскому обращению» до 16 марта, 30 марта.

Литвинов П., Шрагин Б. Текст без названия (о кампании против Сахарова и Солженицына и о разрядке международной напряженности), сент. 1973 г. — см. «Хроника защиты» 4.

Сахаров и др. (8 подписей), Обращение в защиту Буковского в Международную Лигу прав человека, 27 февр. 1974 г. — опубл. «Хроника защиты» 8.

Сахаров А. Д. и др. (всего 6 подп.) Письмо К. Вальдхайму в поддержку обращения крымских татар (см. «Хроника защиты» 8), без даты, предп. 1974 г.

Сахаров А. Д., Шафаревич И. Р. Заявление в защиту Остапова, 28 марта.

Твердохлебов А., Слоним М. Письмо в Международную Комиссию юристов по делу Суперфина, 18 марта 1974 г. — опубл. «Хроника защиты» 8.

Терновский Е., Штейнберг Э. «Открытое письмо Серафиму, Митрополиту Крутицкому и Коломенскому» (по поводу его заявления об изгнании А. Солженицына из СССР), 17 февр. 1974 г.

Заявление в защиту Суперфина, 14 марта 1974 г. (44 или более подписей) — опубл. «Хроника защиты» 8.

Письмо прихожан Богоявленской церкви (г. Житомир) Генеральному секретарю ООН (о закрытии властями православного храма), начало 1974 г.

Обращение крымских татар (предположительно, январь 1974 г.) Генеральному секретарю ООН.

«Послание Совету национальностей Верховного Совета СССР (копия — Организации Объединенных наций) политзаключенных Прибалтики, Украины и Кавказа, находящихся в Мордовских концентрационных лагерях», без даты, 17 подписей.

Новосибирские евреи (6 подписей). Письмо сенаторам Джексоу и Кеннеди в защиту Фельдмана, 19 марта.

Повременные издания. «Братский листок», орган Совета церквей евангельских христиан-баптистов, 1974 г., вып. 1, 2.

«Вече», вып. 6. ред. Осипов, 16 окт. 1972 г.

Официальные документы. Постановление о производстве обыска на квартире Кузенкова А. А., 22 февр. 1974 г. — см. «Хроника защиты» 8.

Документ о составлении списков верующих — опубл.: «Хроника защиты» 8.

Приговор по делу Фельдмана — опубл.: «Хроника защиты» 8.

Письмо Комиссии по делам религиозных культов г. Харькова — опубл.: «Хроника защиты» 8.

Пименов, начальник Пермской колонии (учр. ВС-389/35), письмо Н. И. Буковской.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ

К выпуску 7.

■ В седьмом выпуске ошибочно сообщалось, что Лев Квачевский получил разрешение переехать к семье в Ленинград. Выяснилось, что Квачевский по-прежнему проживает в г. Луге, однако уже не под административным надзором, как ранее.

■ К стр. 41: стало известно, что составителем третьего и четвертого выпусков журнала «Международная амнистия» является только А. Твердохлебов.

ПЕРЕЧЕНЬ ИМЕН

Абрамович, И. 39	Бесси, С. М. 15-16	Великанова, Т. М. 9-13, 40, 60
Агурский, М. С. 58	Бетховен, Л. 42	Вигилянский, В. 12-13
Азбель, Д. 7, 40, 60	Богатырев, К. 58	Бойнович, В. 58-59
Алексеева 50	Богораз, Л. 25	Волкова, О. 12-13
Алексий, патриарх 35	Боннэр, Е. Г. 9	Вольпин, А. С. 56
Альбрехт, Б. Я. 37	Борисов, В. 12-13, 60	Воронель, А. 58
Андропова, Е. С. 40	Борисов, Вл. 38, 53	
Апдайк, Дж. 15-16	Борисова, Т. 12-13	Габай, Г. 40
Аптекарь, Л. 40	Брежнев, Л. И. 16	Габай, И. Я. 6
Арчер, П. 40	Бродский, И. 21	Галансков, Ю. Т. 6, 9, 52
	Брухин, И. 21	Галацкий, В. 7
Барабанов, Е. 12-13, 39, 58	Буковская, Н. И. 6, 15, 58, 61	Галич, А. А. 12-13
Бауэр, Л. 36	Буковский, В. К. 6, 14-16, 36, 51-57, 60	Гардер 39
Бахмин, В. 40		Гастев, Ю. 12-13
Берг-Хаимович, Я. 40	Вальдхайм, К. 40, 60	Генкин, С. 12-13
Бердичевская, В. 12-13	Ванькович, 54	Гершуни, В. Л. 38, 53
Бердяев, Н. 23	Варгафтик, Е. 21	Гинзбург, А. И. 6, 9, 12-13, 36-37
Берзон 47-48, 50-51	Ватулко, А. М. 29-32	Гинзбург, Л. И. 12-13
Бернштейн, Р. 15-16	Ватулко, В. М. 30	
Берс, Л. 14		

- Гладкова, Г. 12-13
 Глоцер, В. 12-13
 Гольдштюкер, Э. 42
 Горбаневская, Н. Е. 12-13, 25, 53
 Грибанов, А. 12-13
 Григас, В. 36
 Григоренко, З. М. 56
 Григоренко, П. Г. 8, 25, 52-53

 Дайкс, Х. 40
 Делоне, В. 6
 Джаннер, Г. 40
 Джексон, Г. 60
 Джилас, М. 42, 52
 Джованович, В. 15-16
 Дзюба, И. 17
 Добровольский, А. 6

 Ежов, И. С. 43-51
 Ермакова 44

 Жалбовский 45, 48
 Жернов 24, 25
 Житникова, Т. 7, 37
 Жолковская, И. 12-13
 Жукаускас, Ш. 33

 Забельский, П. 41
 Зайцев 23

 Иванов, Ю. Е. 59
 Ичпене, Э. 40
 Иофе, Н. Я. 40
 Иофе, О. Ю. 12-13, 40, 53

 Кадар, Я. 41
 Каминская, Д. И. 55
 Кант, И. 18
 Кардасевич, Л. 12-13
 Каплун, И. 41
 Карлайл, Г. 15-16
 Каспер, В. А. 29-31
 Каспер, Э. В. 30-31
 Кауфман, Я. М. 34
 Кеннеди, Э. 60
 Ким, Б. А. 34
 Ковалев, С. 9-13, 40, 60
 Козински, Е. 15-16

 Козовой, В. 12-13
 Колеман, Г. Д. 58
 Колода, А. 44-51
 Колюжный 44
 Комарова, Н. 12-13
 Копелев, Л. З. 59
 Кормак, П. 40
 Корнеев, И. 12-13, 37
 Корнилов, В. 59
 Косыгин, А. Н. 16
 Коутс, К. 41
 Кузенков, А. А. 35, 59-60
 Кузнецов, В. 53
 Кузнецов, Э. 7-9, 11, 12
 Кукуй, В. 39
 Кусикьянц 39
 Кушев, Е. 6

 Лавут, А. 12-13, 41
 Ланда, Б. 12-13
 Ланда, М. 40, 59
 Лапин, В. 12-13
 Лашкова, В. И. 6, 12-13, 53
 Левин, Ю. 12-13
 Левитин-Краснов, А. Э. 9-10, 39-41
 Левич, В. 37
 Линь, Бяо 42
 Литвинов, П. М. 5-9, 12-13, 25, 41, 59, 60
 Лось, Е. 17
 Луценко 44

 Мальцев, Ю. 7-8
 Мао-дзе-Дун 42
 Марамзин, В. 21-22, 59
 Марченко, А. 23-26, 59
 Матвеев, Я. 59
 Мацкевичус, А. 33
 Медведев, Ж. А. 53
 Медведев, Р. А. 59
 Миллер, А. 15-16
 Миндсенти, кардинал 41
 Михайлов, Б. 12-13
 Михайлов, М. 42
 Молибога 44
 Мороз, В. 8, 16-18

 Наринская, Г. 12-13
 Нарича, М. А. 59
 Наумов, Э. 59
 Неизвестный, Э. 39
 Некипелов, В. 34
 Некрасов, В. 22-23, 36, 59
 Никитинская 56
 Нимирина, Н. Я. 11
 Новодворская, В. 53
 Нольтон, В. 15-16
 Нудель, И. 60

 Овершин, Г. 31
 Орвелл, Дж. 23
 Орлов, В. С. 33
 Осипов, В. 37-38, 60
 Остапов, Д. А. 35, 60

 Павлов, Я. Н. 29-31
 Палондзе, В. 35
 Панкратов, М. М. 40, 59
 Пеликан, И. 41
 Петров, Б. Н. 58
 Пименов, 61
 Пирогов, С. 34
 Плющ, Л. 7, 18-20, 37
 Повилионис, В. 33
 Подгорный, Н. В. 14-16, 39, 58
 Подьяпольский, Г. 9-13, 40
 Приворотский, И. 59
 Приходько, С. 44-51
 Прусс 18
 Пушкин, А. С. 23

 Ревчук 21
 Регельсон, Л. 59
 Реддавей, П. 11
 Рипс, И. 53
 Рожанская, О. 12-13
 Рубин, В. 7, 41
 Рудайтис, И. 33-34
 Рудаков, И. 12-13
 Руденко, Р. А. 23
 Руппель, Ф. 36

 Садамская, Н. 40
 Сакалаускас, А. 33

- Сахаров, А. Д. 9-10, 25, 33, 35, 40-41, 57, 59, 60
Сверстюк, Е. А. 59
Себрехтс, Г. 56
Семека, Е. 40
Сироченко, Е. 35-36
Скулли, В. 14
Слоним, М. 10-13, 60
Смолянова 42-43
Солженицын, А. И. 5, 7, 13, 21, 25, 33, 36, 57-60
Солженицына (Светлова), Н. 59
Солсбери, Г. 15-16
Стайрон, Р. 16-17
Степанец 44
Суперфин, Г. Г. 7, 10-14, 35, 59, 60
Сыщиков, М. М. 11-12
- Твердохлебов, А. Н. 10-14, 18-20, 28-32, 37, 58-60
Телюкова (Телякова?) В. 44-51
Терлицкас, А. 34
Терновский, Е. 60
Техлу, Сарие 59
Тимачев, В. 12-13
- Толстихин 39
Трофимов 54
- Уайли, В. Б. 15-16
У Тан 7
- Файнберг, А. А. 56
Файнберг, В. 15, 36, 38, 53
Фарли, К. 41
Фельдман, А. Д. 43-51, 60
Финкельштейн, Е. 39
Фридман 47, 48, 50, 51
- Ханцис, Я. 39
Харитонов 23-24
Хаустов, В. А. 6-12
Хачатрян, Р. 36
Хейфец, М. 21
Херси, Д. 15-16
Ходорович, С. 12-13, 41
Ходорович, Т. 9-13, 17-18, 40, 60
Хрущев, Н. С. 23, 57
Хряпа 45-51
- Цацкис 47-48, 50-51
Цветаева, М. И. 23
Цзигун, С. 54
- Чалидзе, В. Н. 56
Червинская, Н. 12-13
Черновол, В. 39
Чобанов, М. А. 60
Чуковская, Л. К. 12-13
- Шатуновская, Н. 12-13
Шафаревич, И. 35, 60
Швейский, В. 6, 15, 56
Шевченко, Т. 25
Шенбель, Э. А. 30
Шиханович, Ю. 38
Шмелев 23
Шрагин, Б. 12-13, 40, 60
Штейнберг, Э. 60
Шуберт, Р. 42
Шумук, Д. 57-58
Шустер, А. 12-13
- Энгельгардт, Б. А. 59
Эрлих, В. 14
Эткинд, Е. 21
- Юдович, Л. А. 10
- Якир, П. И. 25
Якобсон, А. 25
Яхимович, И. 53
Яхот, В. 58

ХРОНИКА ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР

Условия годовой подписки (6 выпусков)

Для организаций и библиотек	\$20
Льготная для студентов и эмигрантов в Израиле	\$10
Обычная	\$15
За пересылку авиапочтой оплата дополнительно	\$ 5

(Просьба указать, на какое издание, русское или английское, делается подписка)

Можно заказать выпуски 1973 г.

**KHRONIKA PRESS
505 EIGHTH AVENUE
NEW YORK, N. Y. 10018**

ФАМИЛИЯ

АДРЕС

.....

Прилагаю при сем сумму \$.....
